

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра

«Гражданское право и процесс»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Гражданское право и процесс

(направленность (профиль))

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)**

на тему «Недействительность притворных сделок в гражданском праве России»

Обучающийся

А.А. Прозорова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный руководитель

кандидат юридических наук О.С. Лапшина

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Общая характеристика притворной сделки и ее соотношение с иными сделками	9
1.1 Понятие, правовая природа и сущность притворной сделки.....	9
1.2 Зарубежный опыт правового регулирования недействительности притворных сделок	19
Глава 2 Недействительность притворных сделок.....	30
2.1 Основания недействительности притворных сделок.....	30
2.2 Судебное признание притворных сделок недействительными	45
Глава 3 Последствия признания притворной сделки недействительной	62
3.1 Особенности гражданско-правовых последствий недействительности притворной сделки	62
3.2 Судебная практика по применению последствий недействительности притворной сделки	71
Заключение.....	83
Список используемой литературы и используемых источников	85

Введение

Исследованию различных аспектов недействительности притворных сделок в российском гражданском праве посвящено огромное количество научных работ.

Так, при выполнении настоящей работы автором были исследованы различные работы зарубежных и отечественных исследователей, а именно Абдиримова А.Ф., Алдаровой Т.М., Анохина С.А., Белобородова М.В., Братчиковой С.В., Генкина Д.М., Гончаровой В.А., Давудова Д.А., Демидюка В.А., Зверевой П.К., Игнатьевой А.В., Лотфуллина Р.К., Морозовой А.Н., Нечаева А.Д., Новицкого И.Б., Павловой Е.Н., Рабиновича Н.В., Родиной Т.Ю., Суловой С.И., Тимофеевой Р.Т., Тужиловой-Орданской Е.М., Хейфеца Ф.С., Шестаковой Н.Д., Барлина Д. Шам, Энглера М.Л. и другие.

Давая оценку состоянию проблемы недействительности притворных сделок в российском гражданском праве в современности нужно отметить, что в такой сфере гражданского права, как заключение сделок, в последние годы появляется большое количество споров и различных конфликтных ситуаций, в том числе, рассматривающихся в судах.

При анализе судебной практики можно сделать вывод о том, что арбитражными российскими судами, а также судами общей юрисдикции в их деятельности достаточно активно находят свое применение нормы гражданского права, касающиеся притворных сделок и связанными с ней правовыми механизмами. Таким образом, из проведенного анализа напрашивается вывод о том, что сфера недействительности притворных сделок, рассматриваемая в контексте настоящей работы, получает все большее значение в гражданском праве.

Основными исходными данными для исследования рассматриваемой темы являются: работа Озмаяна Ю.З. и Абдиримова А.Ф. «Понятие и классификация недействительных сделок» [1], научная статья

Белобородова М.В. и Евтягиной В.Ф. «Особенности признания недействительными мнимых либо притворных сделок в гражданском праве» [7], работа Зверевой П.К. и Кириллова Д.А. «Притворное правовое явление: понятие и юридический состав» [16], статья Павловой Е.Н. «Правовые последствия недействительности сделок» [44], работа Энглера М.Л. «Обман тебя: слишком хорошо, чтобы быть правдой» [78] и другие.

Необходимость проведения настоящей научно-исследовательской работы объясняется тем, что, как указывалось ранее, такая сфера российского гражданского права, как недействительность притворных сделок, получает все большую важность и, принимая во внимание такие обстоятельства, как реализацию различных предложений по развитию законодательства Российской Федерации, его изменению в этой части, сложившуюся в России правоприменительную судебную практику, напрашивается следующий вывод: осмысление исследователями, законодателем, судами и иными органами и лицами накопленного в России «багажа» практики, состоящего из сложившегося в практике применения нормативных правовых актов о недействительных сделках, действительно необходимо для совершенствования закона.

Целью настоящего исследования можно поставить анализ и представление характеристик притворности сделок, а также их различных схожестей и различий с другими ничтожными и недействительными сделками. Кроме того, целью работы является выявление оснований для признания российским судом такого соглашения недействительным и сложившейся за рубежом практики в рассматриваемой сфере. Также в контексте настоящей работы перед исследователем стоит цель проанализировать юридические последствия, которые могут произойти в случае, если суд признает спорное соглашение притворным и недействительным, последующие за таковым признанием механизмы реализации решения суда, а также выявление сопутствующих этому проблемных вопросов.

Поставленная цель достигалась путем решения следующих задач:

- раскрыть понятие, правовую природу и сущность притворной сделки;
- исследовать зарубежный опыт правового регулирования недействительности притворных сделок в целях выделения полезной практики, которую можно внедрить в российское законодательство;
- выявить основания недействительности притворных сделок и проанализировать признание таких сделок недействительными судом;
- исследовать особенности гражданско-правовых последствий при признании притворной сделки недействительной, а также раскрыть правовые последствия для прикрываемой сделки и проанализировать судебную практику в этой части.

Объектом рассматриваемого исследования выступают различные правоотношения, связанные с признанием судебным органом притворных сделок недействительными и применением судами последствий такового их признания.

Предмет исследования составляют как положения норм гражданского законодательства, касающиеся проблем недействительности притворных соглашений и договоров, нормы российских правовых актов о недействительности притворных сделок, правоприменительная практика о признании судами притворных сделок недействительными и применении ими последствий их недействительности.

В части методологической основы настоящей научно-исследовательской работы необходимо указать, что в ее состав включены следующие методы исследования: частные научные (к ним можно отнести сравнительно- и историко-правовой методы, а также формально-юридический метод), а также общие научные (к ним можно отнести как конкретизацию, так и абстрагирование, как синтез, так и анализ, а также метод моделирования). Все вышеуказанные методы оказывают результативную помощь в работе по исследованию различных проблем гражданского права Российской Федерации, относящихся к сфере недействительности притворных сделок.

Нормативно-правовую основу данного исследования составили Конституция Российской Федерации, части первая и вторая Гражданского кодекса Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и иные нормативные правовые акты, которые будут рассмотрены подробнее.

Теоретическую основу исследования составляют труды следующих отечественных и зарубежных исследователей: Абдиримов А.Ф., Алдарова Т.М., Анохин С.А., Белобородов М.В., Гончарова В.А., Давудов Д.А., Зверева П.К., Игнатьева А.В., Лотфуллин Р.К., Морозова А.Н., Павлова Е.Н., Родина Т.Ю., Сулова С.И., Тимофеева Р.Т., Тужилова-Орданская Е.М., Барлин Д. Шам, Энглер М.Л. и другие.

Гипотеза данного исследования: признание притворных договоров и соглашений недействительными является качественным средством защиты интересов и прав физических и юридических лиц, а также государства и общества в целом, поскольку у сторон таких сделок абсолютно всегда есть какая-то скрытая цель, и их реальная воля с самого начала ставит перед собой целью получение каких-либо других результатов, отличных от тех, которые в обычной ситуации являются характерными для таких соглашений. При этом, реальные цели могут быть направлено против чьих-то интересов и прав, охраняемых государством, а также носить противоправных характер. В целях более успешного регулирования данной сферы права необходимо совершенствование законодательства и практики по его применению.

В связи с тем, что в данной сфере имеются различные проблемы и спорные ситуации, учитывая ее важный характер для соблюдения и сохранения правопорядка, законодателю необходимо дальнейшее проведение работы по совершенствованию норм права, касающихся притворных сделок и их недействительности, в том числе заполнения имеющихся «пробелов» в законодательстве в этой сфере.

Научная новизна настоящего исследования заключается в выявлении и рассмотрении имеющихся в законодательстве «пробелов» и спорных вопросов с учетом актуальной в настоящее время судебной практики и выработке существующих проблемных вопросов и последующем формулировании выводов о том, какие изменения необходимо внести в российское законодательство для их разрешения.

Практическая значимость данного исследования состоит в совершенствовании норм российского законодательства, касающихся института притворных сделок, в целях разрешения имеющихся проблемных вопросов при их применении.

Таким образом, можно сформулировать следующие положения, выносимые на защиту:

– с учетом отсутствия однозначного подхода к пониманию правовой природы, особенностям и сущности притворных сделок, а также субъектов, имеющих право на обращение в суд с иском о признании соглашения притворным, кажется целесообразным включить в нормы гражданского законодательства положения в которых законодатель сформулировал и закрепил бы вышеприведенные определения, в частности сформулировать определение притворной сделки, приведенного в пункте 2 статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации [11] (далее – ГК РФ), следующим образом: «соглашение с пороком в виде обозначенного волеизъявления и фактической воли сторон, заключенное сторонами сознательно и целенаправленно для создания видимости сделки, скрывающей под собой иное соглашение, в целях обхода действующих норм законодательства, в том числе избегания запретов, установленных ограничений, получения необоснованной выгоды и иных неправомерных действий», а также дополнить следующим списком лиц, имеющих право обратиться в суд: стороны соглашения, прокурор, государственные органы в пределах их компетенции, иные лица, чьи права и интересы затрагивает притворное соглашение»;

– с учетом противоречивой практики по применению законодательства российскими судами по рассматриваемой категории судебных дел видится необходимым публикование Верховным Судом Российской Федерации новых актуальных разъяснений касательно применения судами норм законодательства в данной сфере, в том числе в части выявления, является прикрываемое под притворной сделкой соглашение действительным либо недействительным, разграничения притворных соглашений от мнимых либо иных видов недействительных соглашений;

– среди исследователей рассматриваемой в настоящей работе сферы права, а также судебной практике еще не сформировался однозначный подход к применению последствий признания соглашения притворным, в связи с чем видится необходимым прямое указание законодателем и/или высшей судебной инстанцией на конкретные последствия такого признания, в частности, применения реституции, как односторонней, так и двусторонней, взыскания убытков и выплаты компенсаций, в том числе в целях защиты интересов и прав третьих лиц, затронутых притворным соглашением.

Глава 1 Общая характеристика притворной сделки и ее соотношение с иными сделками

1.1 Понятие, правовая природа и сущность притворной сделки

По результатам анализа нормативно-правовых актов, относящихся к объекту исследования, а именно правоотношений, связанных с признанием притворных сделок недействительными и применением последствий их недействительности, можно сделать следующие выводы.

Из анализа гражданского законодательства Российской Федерации следует, что в нем содержатся лишь общие положения и нормы, касающиеся недействительности сделок. В статье 166 ГК РФ: дано четкое выделение двух видов недействительных сделок:

- сделки, которые признаются таковыми судебным органом (оспоримые сделки);
- сделки, являющиеся недействительными независимо от признания их таковыми решением суда по причине несоответствия их предписаниям законодательства (ничтожные сделки).

Можно сделать вывод, что сделка считается ничтожной, если она входит в противоречие с основами нравственности и правопорядка (статья 169 ГК РФ), заключена с участием несовершеннолетних либо еще не достигших 14 лет (статья 172 ГК РФ), нарушена форма сделки, которая предусмотрена законодательством и другие.

К такому типу сделок можно отнести и притворные сделки, заключающихся лишь для вида с намерением ввести в заблуждение конкретных лиц.

В пункте 2 статьи 170 ГК РФ дано определение притворной сделки - это сделка, которую совершили в целях сокрытия иной сделки, включая аналогичную сделку, но на других условиях. Такая сделка является ничтожной. К иной, прикрываемой сделке, которую стороны подразумевали

при заключении притворной, необходимо применять соответствующие правила с учетом ее содержания и существа.

На основании изложенного можно сделать вывод, что у такого типа сделок нет главного признака действительной сделки, а именно целенаправленного и четкого желания лиц, участвующих в сделке, создать, прекратить или изменить какие-то гражданские обязанности и права.

Таким образом, можно сделать вывод, что главнейшим отличием притворной сделки от иных сделок, подлежащих признанию судебными инстанциями недействительными, можно указать то, что притворная сделка абсолютно всегда прикрывает другую, прикрываемую.

Кроме того, участники подобных сделок всякий раз имеют иную, скрытую от посторонних, в особенности от государства и контролирующих органов, цель. То есть, такие участники с самого начала хотят достичь каких-то иных результатов, не тех, что зафиксированы «на бумаге» и которые типичны для подобных соглашений.

С прикрываемым соглашением, то есть соглашением, которые стороны на самом деле имели в виду, связаны, в том числе, и особенности различных гражданско-правовых последствий, которые могут возникнуть у данных лиц в связи с признанием соглашения притворным, в том числе по решению суда, которые будут поименованы в 3 главе настоящей работы.

Из изложенного выше можно сделать вывод о том, что юридический механизм по признанию судом притворности сделки и, следовательно, ее недействительности, является прекрасным способом правовой защиты прав и законных интересов юридических и физических лиц, общества, государства и так далее, поскольку при заключении притворных соглашений его стороны абсолютно всегда имеют скрытую цель, а их воля и ее изъяснение изначально направлено на получение иных юридических результатов, чем тех, которые ими обозначены в соглашении и которых являются характерными для заключенного соглашения в обычных обстоятельствах [15].

В то же время, из вышеприведенных положений становится очевидным вывод о том, что в нормативных правовых актах, регламентирующих сферу недействительности притворных сделок, имеются множество «пробелов».

Фактически, недействительности притворных сделок в ГК РФ, являющемся основным нормативным правовым актом гражданского законодательства, посвящен лишь один подпункт в статье 170 ГК РФ.

Однако, данная сфера является достаточно сложной и вызывает множество вопросов при применении касающихся ее правовых норм как у физических и юридических лиц, так и у судов, что приводит к возникновению противоречивой судебной практики и к выпуску множественных разъяснений Верховного Суда Российской Федерации.

В частности, в гражданском законодательстве Российской Федерации по настоящее время отсутствует какое-либо общепринятое определение такого понятия, как «недействительность сделки», не поименованы главные и наиболее встречаемые черты данных сделок, и даже правовой статус недействительности сделок.

Помимо этого, из изученных нормативных правовых актов, а также судебной практики можно выявить то, что присутствует некая неопределенность касательно субъектов, у которых есть право обратиться в суд с заявлением о признании соглашения притворным. Также можно отметить имеющиеся сложности в части того, как судебному органу либо иным заинтересованным лицам отличить притворные соглашения от мнимых либо иных типов недействительных сделок. Кроме того, из сложившейся практики следует вывод о том, что имеются сложности в реализации последствий, возникающих в связи с признанием подобных соглашений недействительными.

Вышеизложенное указывает на необходимость совершенствования гражданского законодательства в части норм, регулирующих признание сделок притворными и недействительными.

Как и следовало ожидать, все вышеуказанные вопросы в сфере недействительности притворных сделок вызывают ожесточенные споры среди исследователей.

Так, одни исследователи данной сферы, в частности, к ним можно отнести В.А. Демидюка [14], полагают, что недействительное соглашение по своей сути представляет из себя противозаконное действие. Аналогичной позиции придерживается и Ф.С. Хейфец [74].

Другие исследователи, в частности, Н.Д. Шестакова [75], уверены, что недействительное соглашение представляет из себя соглашение, которое в действительности не соответствует конкретным, определенным в нормативных правовых актах, требованиям и ограничениям, запретам законодательства, и, следовательно, подобное соглашение не может в силу данного несоответствия вносить какие-либо перемены в имеющиеся на данный момент гражданско-правовые отношения, чего хотели бы на самом деле достичь стороны такой сделки. Подобное мнение изложено и в работах И.Б. Новицкого [25].

В свою очередь, известный ученый Д.М. Генкин полагал, что «признание ничтожных сделок за сделки стирает общепринятое различие между сделками и неправомерными действиями - деликтами. Для сделки как юридического факта, в отличие от деликта, характерно наличие действия (воли), направленного на установление, изменение, прекращение гражданского правоотношения, тогда как при деликте лицо, его совершившее, вовсе не желает наступления тех или иных правовых последствий» [9].

Таким образом, Д.М. Генкин в своих работах соотносил и отчасти связывал между собой определение деликта и нарушения законодательства. Ученый полагал, что законность и незаконность по своей сути являются составляющей частью не самого соглашения, а лишь фактором, влияющим на то, какие возможные последствия могут возникнуть в связи с заключением подобного соглашения.

Нейтральной позицией придерживалась исследователь Н.В. Рабинович [58], которая полагала, что недействительные сделки представляют собой одновременно как непосредственно «сделку», так и правонарушение в общепринятом смысле.

Различные взгляды на проблематику наблюдаются у зарубежных и отечественных исследователей и по другим вопросам.

В частности, Абдиримов А.Ф. и Озмаян Ю.З. в своей научной статье «Понятие и классификация недействительных сделок» [1] рассмотрели понятие «недействительной сделки» и ее классификации и пришли к выводу, что разделение недействительных соглашений между собой определяется их принадлежностью к конкретным группам, а именно ничтожным и оспоримым соглашениям. Таким образом, недействительные соглашения отличаются друг от друга в зависимости от того, по каким критериям данные сделки такими признаются.

В то же время, вышеуказанные исследователи в своих работах отмечают, что какого-либо конкретного, определенного нормативными правовыми актами, материального и (или) правового основания для разделения подобных соглашений в соответствии с вышеприведенной классификацией, нет. Более того, исследователи полагают, что в принципе разделение соглашений на такие группы обусловлено только позитивной волей законодателя.

В свою очередь Белобородов М.В. и Евтягина В.Ф. в своей работе «Особенности признания недействительными мнимых либо притворных сделок в гражданском праве» [7] проанализировали появляющиеся в практике судов вопросы о недействительности притворных сделок и применении в дальнейшем последствий их недействительности.

Ученые по результатам проведенных исследований пришли к выводам о том, что в нормах законодательства Российской Федерации имеется пробел, связанный с тем, какое лицо может подать в суд заявление в целях признания притворного соглашения ничтожным, применении судом дальнейших

последствий признания судом такого соглашения ничтожным, и определение такого лица необходимо доработать. Также исследователи полагают, что в качестве одного из последствий признания судом подобного соглашения недействительным является возмещение причиненных физическим и юридическим лицам, являющихся добросовестными лицами, убытков, что по своей природе является восстановлением их прав.

В исследовании Зверевой П.К. и Кириллова Д.А. «Притворное правовое явление: понятие и юридический состав» [16] авторами разобраны различные предпосылки формирования понятия «притворное правовое явление», дана характеристика целесообразности и необходимости введения указанного понятия в оборот и объяснена уместность распространения конструкции притворной сделки на разбираемые в работе притворные правовые явления.

В исследовании также показано, что к элементам состава исследуемого притворного правового явления могут выступать прикрываемое (реальное) правовое явление, прикрывающее явление, отмеченное участниками как реальное, участники правового явления, стремящиеся достичь правовых последствий, характерных для прикрываемого явления, правовые последствия прикрываемого явления.

Кроме того, авторами сформулировано и раскрыто правило о значении (с точки зрения права) последствий прикрываемого правового явления.

В заключение работы исследователи пришли к выводу, что в будущем необходимо дальнейшее изучение причин, масштабов и последствий распространенности анализируемых притворных правовых явлений в разных отраслях права.

Павлова Е.Н. в своей научной статье «Правовые последствия недействительности сделок» [44] рассмотрела основные виды недействительных сделок, в том числе притворные сделки, различие между ничтожными и оспоримыми сделками, а также поименовала в своей работе перечень возможных последствий недействительности таких сделок, в том числе юридически-правовых.

Также Павлова Е.Н. выявила и представила спорные моменты, касающиеся принудительного изъятия имущества и (или) денежных средств в казну Российской Федерации в качестве возможного последствия недействительности соглашения.

В своей работе «Обман тебя: слишком хорошо, чтобы быть правдой» [78] Энглер М.Л. поднимает проблему заключения притворных сделок в США в целях уклонения от налогов и задается вопросом, как правовая система должна реагировать на все эти юридические ухищрения.

Исследователь приходит к выводу, что законодателям следует избегать даже санкционированных косвенных обходных путей законодательства, так как, несмотря на то, что эти одобренные законодателем пути задуманы как избирательные, они способствуют неуважению к требованиям законодательства и создают видимость законности для других манипуляций. Вместо этого законодателям следует стремиться к достижению желаемых целей более прямым путем, не прибегая к проблемным формализмам.

В своей работе «Мнимые и притворные сделки в гражданском праве» [24] такие исследователи рассматриваемой темы, как Нечаев А.Д. и Нестерова Т.И., сделали подробный обзор сложившейся в судах практики по рассматриваемой категории дел, а именно тех, что касаются признанию судом соглашения недействительным по мотивам его притворности и мнимости, после чего смогли выделить критерии, по которым данные виды соглашений можно разграничить между собой.

В частности, как можно видеть из данной работы, ученые рассмотрели в рамках исследования конкретные определения, касающиеся по своей сути притворных и мнимых соглашений, а также правоприменительной практики. На основании проведенного исследования исследователи сделали вывод о том, что вышеприведенные виды недействительных соглашений можно разделить по различным критериям. В частности, главнейшим отличием, критерием, отличающим их друг от друга, можно признать то, что настоящая, стоящая перед сторонами, цель мнимого соглашения представляет из себя

всего лишь «нарисованную» сторонами иллюзию ее реальности. В свою очередь, притворное соглашение действительно представляет собой некую сделку, однако она отличается от той, что формально указывают стороны, в целях ее сокрытия, что приводит к тому, что реальные последствия не соответствуют тем, что указаны «на бумаге».

В то же время, из вышеприведенного исследования очевидно, что данные виды соглашений также имеют между собой и различные схожие характеристики. Так, общим между ними является то, что они все заключаются для того, чтобы обойти российское законодательство в каких-либо своих целях. Все эти соглашения не ставят перед собой в качестве цели реальное создание тех правовых и юридических последствий, что закреплены сторонами в соглашениях.

В связи с вышеизложенным, судебным органам при рассмотрении подобных соглашений и даче им соответствующей классификации всегда нужно принимать во внимание тот факт, что огромную, важнейшую ролью в контексте данных соглашений обладает подлинное волеизъявление, настоящая воля ее сторон. В частности, это можно выразить в следующем: стороны, заключающие соглашение, обязательно должны желать, и понимать правовые и юридические последствия подписания ими такого соглашения.

На основании изложенного, по результатам проведенного исследования автор приходит к выводу, который можно определить как следующее. Притворные соглашения и мнимые соглашения являются разными видами недействительных соглашений [2]. Они значительно отличаются друг от друга по своей природе и сути, являются взаимоисключающими, что также должно учитываться судом. В частности, в случае, если в судебном акте (решении, постановлении суда) указывается одновременно как на мнимость заключенного лицами соглашения, так и на его притворность, но такой судебный акт подлежит отмене, поскольку эти основания никогда не могут идти вместе. Это является одним из проблемных вопросов, которые суды обязательно должны учитывать при рассмотрении подобных дел.

Необходимо отметить работу Братчикова С.В., Козионов Д.С. и Половников Е.А. «Применение последствий недействительности сделки: проблемы теории и практики» [8]. В данном исследовании авторы рассматривают с различных точек зрения проблематику возможных последствий признания судебным органом соглашения недействительным. В числе прочих исследователи провели анализ проблемы так называемой «правовой природы» такого вида гражданско-правовых последствий, как реституции. В части реституции авторами подробно рассмотрены различные ее виды, в частности, реституция в отношении обеих сторон, дана оценка ее синаллагматическому (взаимному) характеру. Кроме того, исследователями рассмотрен один из важных проблемных вопросов, касающихся реституции, а именно различные, возникающие при некоторых обстоятельствах, проблемы осуществления лицами возврата имущества, которое ранее было ими каким-либо образом получено в рамках данного соглашения.

Однако, применительно к данному исследованию, необходимо повторно отметить то, что никакие реституционные меры не могут назначаться судом и, соответственно, применяться непосредственно к притворным соглашениям. Они могут использоваться лишь в исключительных, оговоренных в нормативных правовых актах, обстоятельствах (в частности, как будет рассмотрено в настоящей работе, в случаях, когда судом признается недействительным и то, «реальное» соглашение, которое притворное под собой скрывает).

Анохин С.А. в своем исследовании «Ничтожные сделки и их особенности» [3] проанализировал нормативные правовые акты о ничтожных сделках, рассмотрел их состав, исследовал различные особенности судебной практики при рассмотрении дел о признании ничтожной сделки недействительной.

Автор приходит к выводу, что природа притворного соглашения состоит в том, что заключающие ее лица изначально это делают для того, чтобы скрыть под ней какую-то иную договоренность. Именно

замаскированную под ним сделку такие лица на самом деле подразумевают в виду и желают осуществить. Те договоренности, которые лица подразумевают на самом деле, подписывая соглашение, отличается от того, что они указывают «на бумаге», они не соответствуют друг другу, имеют различные юридические последствия, возникающие в связи с заключением сделки. В качестве примера можно привести случаи, когда, например, соглашение о дарении на самом деле скрывает под собой соглашение о купле-продаже, что обычно делается недобросовестными лицами в целях ухода от налогов.

Таким образом, логичным последствием признания недействительной такой сделки будет применение судом к ней регулирующих прикрываемую сделку правил. В рассматриваемом примере, в случае признания сделки такого дарения недействительной, к ней должны применяться нормы о купле-продаже данного имущества.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что неоднозначность законодательства касательно института недействительности притворных сделок и отсутствие единообразия в правоприменительной практики по судебным делам рассматриваемой категории, а также иные вопросы, касающиеся данной сферы, логичным образом ведут к дискуссиям по данным вопросам среди исследователей, что также указывает на необходимость дальнейшей доработки норм законодательства в данной сфере и разъяснению воли законодателя.

В частности, видится необходимым усовершенствование приведенного в пункте 2 статьи 170 ГК РФ определения притворного соглашения как сделки с пороком в виде обозначенного «на бумаге» волеизъявления сторон и их фактической воли, входящих в противоречие друг с другом, которое лицами подписывается сознательно в целях создания видимости соглашения, маскирующего под собой другую сделку, в различных неправомерных целях, в частности, избегания ограничений, запретов, приобретения необоснованных выгод и иных действий, совершенных в обход норм права.

1.2 Зарубежный опыт правового регулирования недействительности притворных сделок

Сфера признания сделок недействительными, в том числе в связи с их притворностью, является очень важной частью правовой системы в международной практике, что во многом обусловлено тем, что какие-либо ошибки, допущенные сторонами при совершении сделки, приводят к серьезным последствиям для ее участников.

Подходы судебной системы к признанию недействительными сделок во многом зависят от особенностей правовых норм страны и исторически сложившихся в ней правовых традиций и институтов.

Опыт за рубежом необходимо изучать, в том числе, для того, чтобы, во-первых, учиться на ошибках других стран, а во-вторых, находить и заимствовать рабочие механизмы, помогающие защищать права и интересы различных лиц, а также разрешать возникающие проблемные вопросы в конкретной сфере.

В зависимости от конкретной страны ее законодатели различают свои характеристики притворных сделок. В частности, к ним можно отнести:

- противоречие действительной воли сформированному в документе волеизъявлению;
- нарушение нормативных правовых актов;
- отсутствие у лиц, участвующих в сделке, дееспособности [71].

В разных государствах также отличается и подход к признанию притворной сделки недействительной. В частности, в ряде стран такое признание осуществляется, в основном, судом, а в других, напротив, разрешается и без него.

Разница в подходах в основном обусловлена видом правовой системы, принятой государством за основу. Так, в англо-американской системе права основное внимание обращено на самостоятельное регулирование лиц, участвующих в соглашении, и на свободу договора. Необходимо отметить,

что часть положений, касающихся данного принципа, отображена в статье 421 ГК РФ).

В то же время, в романо-германской системе права, акцент делается на защите прав и законных интересов общества и государства [77].

В связи с различными подходами к признанию сделки притворной и, тем самым, недействительной, отличается и правовой механизм, позволяющий это осуществить, в частности, если заключенное соглашение противоречит нормативным правовым актам, и с помощью этого правового средства необходимо защитить стороны такого соглашения от нарушения их интересов и прав.

Отличаются также виды последствий для сторон такого соглашения и степени влияния предусмотренных законодательством оснований для признания притворного соглашения недействительным.

В первую очередь необходимо обратить внимание на английскую и американскую систему права. В данной системе соглашения оспаривают в основном через судебные инстанции.

Как следует из вышеприведенных подходов, при рассмотрении вопроса о притворности сделки и ее недействительности в основном суд обращает внимание на злоупотребление правом лицами, участвующими в соглашении, а также нарушениям ими условий соглашения [17].

В то же время, во Франции, при рассмотрении судом вопроса о недействительности сделки, он обращает внимание на наличие обмана иных лиц, принуждения (в том числе насильственным путем), ошибки и так далее.

В Германии недействительность сделок по причине их ничтожности напрямую связана с тем, что у них отсутствует юридическая сила по причине нарушения норм законодательства, обязательных для исполнения.

Законодательство оказывает защиту сторон сделки, ведущих себя добросовестно, и дает гарантию таким участникам на возможность восстановить свои права и интересы через реституцию.

Можно привести следующую классификацию недействительных соглашений в международном праве:

- оспоримые;
- ничтожные;
- частично недействительные [79].

Оспоримые соглашения являются действительными, пока не будут признаны недействительными судом. Как правило, это происходит ввиду нарушения интересов и прав одного из лиц, участвующего в нем. При обращении в суд необходимо доказать, что одно из лиц данного соглашения является недобросовестным. Также основанием может быть выявление каких-либо недостатков при оформлении или заключении оспариваемого соглашения [81].

Ничтожными соглашения являются соглашения, которые изначально не могут иметь юридической силы, в силу чего для того, чтобы признать их недействительными, не требуется обязательное участие судебного органа. Несостоятельность таких соглашений очевидна с первого взгляда. Кроме того, такие соглашения не могут быть основанием для возникновения для сторон соглашения каких-либо правовых последствий.

Таковыми причинами являются несоответствие законодательным актам, нарушение правового порядка и требований, обязательных при заключении соглашения, и так далее. Например, соглашения, заключенные недееспособными лицами, являются ничтожными по определению, равно как и соглашения, которые входят в противоречие с государственными и/или общественными интересами.

Частично недействительным соглашение считается при таких обстоятельствах, когда часть его условий противоречит законодательству, а другая часть – соответствует и, следовательно, остается в законной силе. Это может быть связано с тем, что часть таких положений ставят одну из сторон соглашения в более худшее положение, нежели вторая, или иным образом нарушают и ущемляют ее интересы и права, однако сама суть соглашения

остается без изменений и обжалованию не подлежит. В таких случаях часть таких положений судом признается недействительными, а остальные – остаются в том же виде и в законной силе.

Притворные соглашения относятся к роду ничтожных, то есть недействительны изначально. Основанием для этого являются случаи, когда задуманное, фактическое соглашение не соотносится с соглашением, заключенным «на бумаге».

Примерами такому могут служить, в том числе, соглашения, заключенные с целью уклониться от подлежащих уплате налогов либо снизить их размер, либо соглашения, направленные на отмыwanie денежных средств.

Необходимо рассмотреть особенности признания сделок ничтожными в разных странах.

Так, в Германии соглашения признаются судом ничтожными (Nichtigkeitsergründe) в случае, если они совершены с нарушением gute Sitten, что в переводе означает «добрые нравы». Таким образом, суд в первую очередь рассматривает, добросовестно (на немецком - Treu und Glauben) ли себя вели лица, участвующие в сделке, и в первую очередь защищают интересы добросовестных лиц.

В случае, если кто-то из сторон, участвующих в соглашении, вел себя недобросовестно, суд признает такое соглашение недействительным. При этом, в подобных случаях, если недобросовестное лицо каким-либо образом поимело выгоду с такого соглашения, суд в реституции, как последствию признания соглашения недействительным, отказывает.

При этом, в ситуациях, когда в рамках соглашения товар (либо услуга) передан какому-либо третьему лицу, не участвующему в соглашении, признанном судом недействительным, и это лицо не знало о наличии у такого соглашения пороков, явившихся основанием для признания ее недействительной, германские суды признает такое лицо добросовестным и

оставляют ему полученный им товар (услугу), а понесенные убытки несет недобросовестное лицо.

В то же время, в Великобритании суды при принятии решения ориентируются на имеющиеся прецеденты, изучая похожие судебные дела, в особенности, судебные акты вышестоящих судов. В ситуациях, когда имеют место нарушения нормативных правовых актов либо каких-то положений заключенного соглашения, суды признают сделку недействительной и, как правило, применяют реституцию.

В то же время, случаются и случаи, когда английские суды используют гибкость при использовании реституции, например, если соглашение реализовать не представляется возможным либо это понесет возможные и существенные убытки для лица, участвующего в данном соглашении.

В отношении защиты прав и интересов третьих лиц английский суд также ориентируется на добросовестность этих лиц. Если лицо является добросовестным, что он должен доказать в суде, и получило товар либо услугу по недействительному соглашению, суд его защищает и оставляет ему услугу (товар). Если же такое лицо свою добросовестность доказать не смогло, английский суд может постановить вернуть товар (результат услуги) либо компенсировать это деньгами.

В случае же, если рассматривать особенности признания сделок недействительными в США, то можно отметить, что суды в целях установления справедливости изучают каждое положение оспариваемого соглашения и определяют, является ли оно добросовестным, нарушает ли чьи-то права, соответствует ли действующему законодательству [80].

Если американским суд установлен по результатам такого изучения, что какой-то из вышеприведенных принципов не соблюден, он признает соглашение ничтожным и, следовательно, недействительным [76].

Как правило, американские суды применяют реституцию, и возвращают все изменения, являющиеся следствием заключения соглашения, в исходное состояние.

Если услуги либо товар по результатам заключения соглашения приобрело какое-то третье лицо, оно рискует их лишиться, и в целях их сохранения должно доказать свою добросовестность (данный принцип носит наименование «*bona fide purchaser*», что в дословном переводе означает «добросовестный приобретатель») и что оно не знало и не обязано было знать о пороках соглашения. Если такое лицо этого не докажет, то американский суд обяжет вернуть полученный товар (услугу) либо компенсировать их деньгами изначальному владельцу, и, следовательно, понесет убытки [69].

В Италии притворные и мнимые соглашения являются несуществующими, поскольку у них нет необходимого для их действительности правового основания, называемого также «*causa*».

Чешское право в части притворных сделок чем-то схоже с российским, однако имеет и свои особенности. Так, в нем нет такого определения, как «сделка», в нем используется термин «правовое действие».

Это самое «правовое действие» анализируется в части его формы, состава субъектов, волеизъявления, содержания и других признаков, определяющих его как действительное.

В соответствии с чешским законодательством, притворные сделки, как и мнимые, являются не существующими по определению, так как у них отсутствует необходимая их составляющая – волеизъявление на нее сторон, – следовательно, они не могут являться правовым действием. Такие действия не могут учитываться, поскольку в них отсутствует очевидное для всех проявление реальной воли лиц.

Отдельно необходимо сравнить российское и немецкое законодательство в части ничтожных соглашений, в том числе притворных, поскольку нормативные правовые акты данных стран имеют как ряд схожих черт, так и противоположных.

В частности, как указывалось ранее, в Российской Федерации законодательство в качестве основания ничтожности притворных и мнимых соглашений видит пороки воли их сторон, а также содержание таких

соглашений. При этом, в соответствии с этими основаниями российское законодательство разделяет притворные и мнимые соглашения.

В то же время, законодательство Германии делает акцент на том, что при заключении мнимых соглашений (*Scheingeschäft*) воля их сторон не соответствует обозначенному волеизъявлению, так как у сторон в действительности нет воли на заключение такого соглашения. Отчасти это схоже с российским законодательством.

И немецкое, и российское законодательство указывает на то, что одним из основания признания заключенного соглашения ничтожным является то, что все лицо, участвующие в нем, заключают его только для вида.

В таком случае суды к замаскированным под такими соглашениями сделкам применяют соответствующие им нормы законодательства. При этом, скрытая сделка может подлежать признанию как действительной, так и недействительной (например, если она заключена с нарушением установленных для нее требований).

При этом, нормативные правовые акты обоих государств содержат отдельные нормы для соглашений, которые заключены в обход действующего законодательства.

Отличительным признаком немецкого права можно выделить то, что, в отличие от российского, в нем нет разделения притворных и мнимых сделок. В немецком законодательстве это не является отдельным самостоятельным видом ничтожных сделок [67].

Таким образом, в сравнении с немецким правом, российской законодательство намного сильнее детализирует отличительные признаки притворных сделок, которые были подробно приведены в первой главе настоящей работы.

В контексте законодательного регулирования притворных соглашений за рубежом интересен и опыт стран, являющихся участниками Содружества Независимых Государств (далее – СНГ).

Законодательное регулирование соглашений, являющихся недействительными, в том числе ничтожными, во многом связано с положениями Модельного Гражданского кодекса для государств-участников СНГ, который представляет собой рекомендательный нормативный правовой акт, и является основой для национальных законов, регулирующих гражданские правоотношения, у многих государств СНГ, в частности, Узбекистана, Кыргызстана, Беларуси, Казахстана, Таджикистана, Армении.

Как и российское законодательство, данный Гражданский кодекс делит между собой притворные и мнимые сделки.

Так, мнимыми соглашениями являются соглашения, которые заключены только для вида, и его стороны не желают возникновения правовых последствий, обозначенных в соглашении.

В свою очередь, притворным соглашением является такое соглашение, которое подписано лицами, участвующими в нем, только для того, чтобы им замаскировать какое-то другое соглашение, вследствие чего к скрытой под ним сделке необходимо применять те законодательные нормы, которые к ней относятся.

Нормы гражданского законодательства государств-участников СНГ относительно притворных сделок во многом схожи, а даже идентичны, соответствующим нормам российского законодательства.

Например, пункту 2 статьи 170 ГК РФ соответствуют: статья 340.2 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики, статья 171 Гражданского кодекса Республики Беларусь, пункт 2 статьи 306 Гражданского кодекса Республики Армении, пункт 2 статьи 56 Гражданского кодекса Грузии, статья 188 Гражданского кодекса Кыргызской Республики, пункт 2 статьи 160 Гражданского кодекса Республики Казахстан, пункт 2 статьи 221 Гражданского кодекса Республики Молдова, статья 124 Гражданского кодекса Республики Узбекистан, часть 2 статьи 170 Гражданского кодекса Республики Таджикистан, пункт 2 статьи 81

Гражданского кодекса Туркменистана, статья 235 Гражданского кодекса Украины [20].

Как отмечал молдавский ученый Серджиу Бэешу [68], в соответствии с молдавским гражданским правом, притворные соглашения заключаются лицами в целях возникновения у третьих лиц иллюзии создания правовой ситуации, отличающейся от той, о которой стороны соглашения договорились на самом деле, устно либо закрепленной ими в каком-то другом секретном и скрытом от иных лиц, договоре.

Притворное соглашение является лишь формальностью, и не может создавать каких-то правовых последствий для сторон.

От мнимых же соглашений притворные отличаются тем, что всегда скрывают под собой другое соглашение, которое уже создает юридические последствия, если соответствует нормам законодательства и является действительным.

Вопрос о признании скрытой под притворным соглашением сделки действительной либо недействительным является отдельным аспектом судебного разбирательства, в ходе которой суд проверяет соблюдение при ее заключении необходимых требований, установленных нормами права, а также предусмотренной для нее формы.

Необходимо отметить и позицию высших судов некоторых государств-участников СНГ, приведенную в работе Лакоцениной Н.М. [20].

Так, как указал Пленум Высшего Хозяйственного Суда Республики Узбекистан в Постановлении от 28 ноября 2014 г. № 269, притворные соглашения заключаются сторонами для сокрытия иного, уже противозаконного, соглашения, недействительность либо действительность которого определяется исходя из соблюдения при ее заключении норм законодательствам.

В то же время, в Республике Казахстан нет обычного для стран, входящих в СНГ, разделения притворных и мнимых соглашений.

В частности, соглашения признаются притворными, и следовательно, ничтожными и недействительными только судебными органами. При этом, судами используются отличающиеся друг от друга подходы, в ходе применения которых суд выносит решение о том, является соглашение притворным или нет.

Для признания соглашения притворным в суд могут обратиться как заинтересованные в этом лица, так и прокуратура, иные государственные органы.

В свою очередь, законодательство и судебная практика Таджикистана во многом следуют по пути российского права.

В таджикистанском законодательстве также разделяют притворные и мнимые сделки. Зачастую суды применяют позицию Пленума Верховного суда Республики Таджикистан от 16 ноября 2004 г. № 112.

В частности, в случае, если при судебном разбирательстве суд выявит, что лица, фактически осуществив соглашение о купле-продаже помещения, «на бумаге» оформили дарственную, либо, напротив, фактически договорившись о займе, формально заключили соглашение купли-продажи недвижимого имущества, то таджикистанский суд по отношению к скрытой сделке используют нормы законодательства и требования, которые относятся к ней.

При этом, в качестве доказательств того, что оспариваемое соглашение является притворным, могут приниматься не только письменные документы, но и показания лиц в качестве свидетелей.

При этом, в таджикистанской практике судом встречались ситуации, когда лица в целях сокрытия реальной заключенной ими сделки формально заключали не одно, а несколько соглашений, представляющих собой серию соглашений, например, соглашения о кредитовании, о купле-продаже и договор дарения, которые скрывали под собой одно прикрываемое соглашение.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что российское право в части недействительности ничтожных сделок имеет с аналогичными нормами законодательства иных стран как схожие черты, так и отличные.

При этом, зачастую в иных государствах, преимущественно, европейских, законодательство никак не разделяет между собой притворные сделки и мнимые, в то время как в российском праве между данными видами сделок проведена четкая граница и судами выработаны их отличительные черты.

Таким образом, оглядываясь на зарубежную практику, законодателю в Российской Федерации необходимо анализировать ее с учетом сложившихся в российских нормативных правовых актах особенностей, и перенимать только тот опыт, который поможет регулированию законодательства именно нашей страны.

В частности, по результатам проведенного анализа можно сделать вывод о необходимости внедрения в российскую судебную практику зарубежного опыта по защите интересов и прав третьих лиц, являющимися добропорядочными, затронутыми притворным соглашением, в том числе путем применения реституции, взысканию с недобропорядочных лиц в пользу лиц добропорядочных убытков, морального вреда, иных компенсаций.

Глава 2 Недействительность притворных сделок

2.1 Основания недействительности притворных сделок

Как отмечалось ранее, притворные сделки по своей сути относятся к классу ничтожных сделок и, как метко заметила Н.М. Лакоценина [21] «несут на себе печать своего «ничтожества».

Притворные соглашения по многим чертам схожи с такими видами ничтожных соглашений, как:

- соглашениями, которые противоречат законодательству и нарушают права третьих лиц (поименованы в статье 168 ГК РФ);
- соглашениями, которые противоречат основам нравственности и правопорядка (статья 169 ГК РФ);
- мнимыми соглашениями (пункт 1 статьи 170 ГК РФ);
- соглашениями с пороками воли и волеизъявления, не являющимися притворными.

Можно сделать вывод о том, что от других видов ничтожных соглашений, пусть и похожих чем-то на нее, притворные отличаются тем, что при подписании подобного соглашения лица, излагая и сообщая об одной воле и намерениях, в действительности имеют в виду и подразумевают при подписании какое-то иное соглашение (называемое «прикрываемым»), которое влечет за собой, как следствие, совершенно другие, отличные от обозначенных официально в документе, последствия, условия, цели, обязанности, права и так далее, которые данными лицами на самом деле хотят исполняются.

Таким образом, подписывая притворное соглашение, стороны, его заключающие, стремятся достичь каких-то иных своих целей. Со стороны заключение такого соглашения кажется законным и правомерным, однако, заключение подобных соглашений может вредить другим участникам

отношений, управляемых нормами гражданского права, государства и общества в целом [10].

В большинстве случаев притворные сделки совершаются сторонами для того, чтобы добиться каких-то целей, противоречащих законодательству, а также возможного избегания различных ограничений, установленных законом, обхода имеющихся запретов, пользования такими лицами не полагающимися им в соответствии с волей законодателя льготами или какими-либо приоритетами [18].

Для того, чтобы выявить притворность сделки, нужно обратить внимание на наличие следующих черт подписанного соглашения:

- взаимный умысел лиц, являющихся сторонами соглашения;
- в реальности исполненное соглашение не соответствует указанным в нем условиям;
- намеренная подмена сторонами сущности возникающих между ними правоотношений;
- возможный факт банкротства одной из сторон соглашения;
- участие в разных соглашениях одних и тех же юридических и физических лиц.

Наличие у соглашения нескольких либо всех вышеприведенных черт может указывать на то, что рассматриваемая сделка на самом деле является притворной.

Необходимо отметить, что в соответствии с действующим в настоящий момент законодательством ничтожные, в частности, притворные соглашения по своей природе, как неоднократно указывалось ранее, являются недействительными изначально. Однако, если обратить внимание на реальную картину дел, на самом деле в большинстве случаев решение о том, чтобы признать соглашение ничтожным, принимает судебный орган. Именно в связи с этим после проведенного анализа имеющихся нормативных правовых актов в данной сфере в целях рассмотрения и изучения фактического применения права нужно рассмотреть позиции судебных

органов в части того, на какие основания обращает внимание суд при рассмотрении судебного спора и на чем основывает свое решение.

По результатам проведенного анализа сложившейся в России правоприменительной судебной практики можно сделать вывод о том, что суды Российской Федерации весьма часто применяют при рассмотрении различных споров положения гражданского права, касающихся притворных соглашений.

В пункте 84 постановления от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» (далее – Постановление № 25) [50] Пленум Верховного Суда Российской Федерации указал на то, что у физических и юридических лиц есть право и реальная возможность представить в соответствующий спору судебный орган иск в целях признания недействительным какого-либо, в том числе притворного, ничтожного соглашения. При этом, лица, подающие иск, не обязательно должны включать и указывать в заявлении какие-то конкретные последствия, которые должны быть применены в случае удовлетворения такого иска.

При этом, как следует из данного документа, можно выделить различные основания для того, чтобы судебный орган признал такое соглашение недействительным, в именно:

- стороны такого соглашения не имеют необходимой для его заключения дееспособности;
- волеизъявление противоречит воле лиц, заключающих соглашение, либо их воля сформирована в ненормальных условиях;
- содержание спорного соглашения идет вразрез с законодательством;
- нарушена форма заключаемого соглашения.

Как следует из Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 ноября 2019 г. [27], в целях признания недействительной прикрывающей сделки по причине ее притворности суду

нужно установить настоящую волю всех сторон прикрывающей сделки на заключение прикрываемой.

При этом Суд обращает внимание на тот факт, что, как уже указывалось ранее, судебный орган не может одновременно указывать на то, что соглашение является притворным и совершенным под влиянием какого-либо обмана. Это является различными основаниями для признания соглашения недействительным, и суду необходимо установить, чем именно состоит порочность оспариваемого соглашения.

В частности, как отмечает Суд, в случаях, когда соглашение является притворным, заключающие его лица прекрасно понимают и в полной мере осознают, для чего, в каких целях, для достижения каких именно правовых последствий и получения каких результатов данное соглашение ими заключается. В то время как при заключении соглашения под влиянием обмана, как логически следует из ее наименования, фактически, одно из лиц, участвующих в таком соглашении, обманывают либо иная сторона соглашения, либо, при некоторых обстоятельствах, какое-либо иное третье лицо, из чего следует, что оно не осознавало последствий и реальных целей соглашения и является пострадавшим.

Кроме того, в вышеуказанном Обзоре судом рассмотрены различные проблемные вопросы, в том числе те, которые по своей сути касаются объявления судом притворного соглашения недействительным, различных имеющихся основания для такого объявления, возможного дальнейшего применения возникающих вследствие такого объявления последствий.

Так, необходимо отметить, что в данном документе имеется ссылка на Определение Судебной Коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2019 г. № 53-КГ18-38 [35]. Как следует из данного судебного акта, судебным органом делается вывод о следующем. Для того, чтобы, в соответствии с исковыми требованиями, объявить недействительным притворное соглашение, судебный орган обязан в первую очередь понять, какую же истинную волю имели лица, которые подписали

рассматриваемое соглашение. Это связано с тем, что, как неоднократно указывалось ранее, судебный орган не может одновременно признавать соглашение недействительным по различным основаниям, например, одновременно заключенным под влиянием на сторону (стороны) обмана и притворным.

Также судебный орган в судебном акте дополнительно обращает внимание на то, что само по себе признание оспариваемого соглашения притворным и недействительным не может влечь за собой реституции. Законодательством Российской Федерации в нормативных правовых актах установлены совершенно иные последствия признания подобных соглашений таковыми. Однако, суд должен оценить то соглашение, которое скрывается под притворным, и уже к нему возможно применение реституции.

7 апреля 2021 года Президиум Верховного Суда Российской Федерации опубликовал «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021)» [26], и в данном документе также приведены и рассмотрены различные возникающие в правоприменительной практике случаи.

В данном Обзоре также есть ссылка на интересное с точки зрения судебной практики Определение Судебной Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2020 г. № 308-ЭС18-14832 (3,4) по делу № А25-1087/2018 [43], в котором Суд пришел к следующему выводу. Несколько различных притворных соглашений по купле-продаже, которые связаны между собой логической цепочкой, в том числе имеющих абсолютно различный состав лиц, их подписавших, все могут прикрывать одно притворное соглашение, выступая некоей «цепочкой», в делается, в том числе, в целях введения в заблуждение и запутывания государственных органов.

В случае, если судебный орган при рассмотрении дела вскрыет подобную схему, то он признает все эти соглашения недействительными, так как они по своей природе являются притворными. В свою очередь,

соглашение, которое они прикрывают и маскируют под собой, суд оценит и также может объявить недействительной, но уже по другому основанию, а именно по причине того, что она является подозрительной в соответствии с пунктом 2 статьи 612 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [73].

В контексте настоящей работы необходимо также и сослаться на Письмо Федеральной налоговой службы от 29 ноября 2017 г. № СА-4-18/24213@ [45]. В данном письме государственным органом приведена правоприменительная практика российских судов, в том числе в отношении недействительных соглашений, признаваемых таковыми по основаниям их подозрительности в связи с банкротством лица.

В частности, государственным органом приведены следующие примеры из судебной правоприменительной практики, с которыми суды сталкиваются наиболее часто:

- случаи, когда стороны, как правило, физические лица, заключают между собой соглашения о дарении имущества, в частности, квартиры, в то время как на самом деле платят за них деньги, то есть по своей сути маскируют соглашением дарения соглашение о купле-продаже. Как правило, подобное осуществляется в целях того, чтобы уйти неправомерным образом от уплаты ими налогов в связи с продажей. Примером подобного случая может послужить апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан от 19 марта 2015 г. по делу № 33-2632/2015 [5], а также Апелляционное определение Тамбовского областного суда от 27 мая 2013 г. по делу № 33-1420 [6]);

- возникающие случаи того, что какие-либо лица заключают притворное соглашения для того, чтобы с помощью него построить препятствия для взыскания их (либо иного третьего лица) имущества, в том числе воспрепятствованию государственным уполномоченным на это законом органам. Основаниями для взыскания может быть как решения судебных инстанций, так и наличие долга, в том числе по алиментам или

кредитам, так и иными случаи. В таком случае «на бумаге» имущество продается либо дарится иному лицу, хотя фактически им все так же владеет должник. Примером подобных обстоятельств может послужить постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 8 сентября 2020 г. № Ф03-2867/2020 по делу № А24-2502/2017 [47]);

– часто встречается практика того, что стороны подписывают между собой притворное соглашение, аналогичное тому, которое оно прикрывает, но на других условиях, например, за иную цену (например, в целях снижения таможенных пошлин и/или налогов) либо отличный товар (например, чтобы обойти действующие ограничение и запреты). В качестве примера можно сослаться на Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.06.2020 № 301-ЭС17-19678 по делу № А11-7472/2015 [42]) и другие.

Необходимо также отметить, что суд самостоятельно вправе квалифицировать рассматриваемое в рамках судебного спора соглашение как притворную сделку, так как притворные сделки изначально ничтожны (пункт 2 ст. 170 ГК РФ), что не может ставиться в зависимость от наличия либо отсутствия об этом ходатайства со стороны, участвующей в судебном деле.

Более того, аналогичным образом судебный орган может вправе задействовать последствия признания сделки ничтожной и, следовательно, недействительной в случае, если это, по мнению суда, является существенным для защиты интересов государства и общества, а также в других ситуациях, поименованных в законодательстве.

Вызывает вопросы позиция законодателя относительно лиц, которые могут подать заявление о признании судебным органом притворного соглашения недействительным.

Так, в соответствии с пунктом 3 статьи 166 ГК РФ [12] у лиц, заключивших соглашение, имеется законное право и фактическая возможность для того, чтобы обратиться с соответствующим иском

заявлением в судебный орган. В данном заявлении лицо может указать на необходимость определения и дальнейшего применения судебным органом последствий признания его недействительным. Аналогичное право и возможность предусмотрена законодательством Российской Федерации и в отношении иных лиц, в том числе, с подобным заявлением может обратиться прокурор, таможенные органы, налоговые органы и иные органы Российской Федерации, а также, при наличии некоторых установленных нормативными правовыми актами обстоятельств, и иные лица.

Вышеуказанное наличие право и реальная возможность его реализации направлены на то, чтобы у лиц, которые имеют в связи с наличием подобного притворного соглашения, какие-то охраняемые нормами права интересами, была возможность его защитить, в том числе путем обращения в суд за признанием соглашения притворным.

Подобное наличие в нормативных правовых актах неопределенных формулировок касательно субъектов, у которых есть предусмотренное право и возможность обратиться с соответствующим заявлением в суд (а именно, «лицо, имеющее охраняемый законом интерес», «иное лицо») вызывает среди судей, юристов и исследователей дискуссии относительно того, кого таким субъектов можно признать.

Данный проблемный вопрос находит свое отражение и в имеющейся судебной правоприменительной практике. В частности, по данной теме высказывался высший судебный орган Российской Федерации. Однако, несмотря на полученные от него разъяснения, вопрос относительно данных субъектов все так же актуален, как и раньше.

И все же, необходимо привести в пример разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, приведенные по данному вопросу в пункте 78 Постановления № 25. Суд указал, что иск физического либо юридического лица, который не является лицом, подписавшим оспариваемое соглашение, все равно может быть судебным органом удовлетворен. В то же время, Суд пояснил, что это возможно лишь в случае того, что у данного лица не

имеется иных предусмотренных законом способов для защиты имеющихся у него прав и интересов.

При этом, возникает следующий парадокс – исходя из данных разъяснений, суд принимает к рассмотрению исковое заявление такого лица в случае, если в заявлении указано на необходимость защиты его прав, и это возможно лишь таким образом. Однако, в случае, если при рассмотрении дела судом будет выявлено, что у лица есть иная возможность для защиты его интересов, то в иске необходимо отказать, несмотря на то, что само по себе оспариваемое соглашение может быть действительно притворным исходя из имеющихся доказательств по делу. В подобном случае имеется теоретическая возможность того, что притворное соглашение так и не будет признано таковым, что, очевидно, не соответствует интересам общества и государства.

Возвращаясь к рассматриваемым разъяснениям высшего судебного органа, необходимо отметить, что, как отмечает Суд, и как уже было отмечено выше, для того, чтобы судебный орган принял иск к производству, в нем обязательство должно быть указано то право и/или интерес, которое может и будет защищено в случае, если данный иск удовлетворят, в все полученное в результате заключения оспариваемого соглашения, возвратят соответствующим лицам. В противном случае, подобный иск будет оставлен судебным органом без движения.

Для того, чтобы суд признал сделку притворной и, следовательно, ничтожной и недействительной, лицу, обратившемуся в судебный орган, нужно документально подтвердить такие обстоятельства, как:

- обстоятельства, при которых соглашение было подписано сторонами;
- выявление реального желания лиц, заключивших сделку, получить конкретный правовой результат, подразумеваемый сторонами на самом деле при подписании рассматриваемого соглашения;
- доказательства, которые подтверждают отличие оформленной в соглашении воли сторон от их фактических действий и реальных взаимоотношений, намерений и желаний сторон;

– при этом необходимо доказать, что желание результата, отличного от того, который описан в соглашении, было у всех сторон сделки, а не только у одной.

Именно вышеуказанные обстоятельства будут являться предметом доказывания при судебном споре рассматриваемой категории.

При этом, как отмечал Верховный Суд Российской Федерации в своем определении от 25 июля 2017 г. № 77-КГ17-17 [37], даже в случае когда в иске лицо, обратившееся в суд, приводит нормы гражданского права, которые не могут быть применены по отношению к рассматриваемым в рамках судебного производства обстоятельствам, это не имеет правового значения, так как при рассмотрении дела данной категории суд в любом случае должен оценить осуществленную сделку на предмет ее соответствия нормам законодательства, а также проверить основания ее действительности либо недействительности.

Таким образом, даже если в исковом заявлении истец ссылается на то, что оспариваемая им сделка подлежит признанию недействительной, так как она является мнимой, суд все равно должен проверить ее на возможность признания ее недействительной по другим обстоятельствам.

В случае же, если суд после изучения представленных ему доказательств выявит признаки притворной сделки, он вправе применить по отношению к рассматриваемой сделке нормы законодательства, отличные от указанных в исковом заявлении и соответствующие именно притворным сделкам.

Данное право представлено суду в целях осуществления им защиты и охраны прав истца и иных сторон данной сделки, третьих лиц, интересов государства и общества.

Необходимо также отметить, что для признания сделки притворной суд должен установить, что заключившие ее стороны желают достичь одной цели и в соответствии со статьей 432 ГК РФ, регламентирующей основополагающие правила при заключении соглашения, пришли

к договоренностям по всем важнейшим обязательствам соглашения, которое маскирует под собой притворная сделка.

В то же время, суду необходимо учитывать, что к прикрываемому соглашению необходимо применять те положения законодательства, которые к нему относятся и при обычных обстоятельствах, в том числе правила, регулирующие форму сделки (например, обязательная письменная форма, нотариальное заверение, регистрация и так далее).

При этом, в случае, если нормами законодательства установлены какие-то особенности, обязательные для оформления соглашений, в том числе письменная форма (например, в отношении договоров о неустойке, залога, поручительства, продажи недвижимой собственности, кредитного договора, договора банковского вклада, лицензионного договора и иных случаев, установленных нормативными правовыми актами), то в случае признания сделки, прикрывающей такое соглашение, притворной, и применения к соглашению соответствующих ему норм, оно также может быть признано судом недействительным уже по причине несоблюдения установленной для него формы.

Также необходимо отметить, что прикрываемую сделку может маскировать не только одна, но и несколько притворных сделок. Кроме того, субъектный состав замаскированной сделки может отличаться от состава сделки притворной.

Вышеприведенные обстоятельства могут дополнительно усложнять доказывание заявителем притворности сделки в рамках рассматриваемого судебного спора.

Таким образом, комбинации, которыми могут воспользоваться недобросовестные участники гражданского права в целях скрытия подразумеваемой ими сделки под притворной, многообразны и многогранны, в связи с чем добросовестным участникам необходимо тщательно проверять договора, связанные с заключаемыми ими сделками.

Так, при заключении добросовестными гражданами соглашения о купле-продаже квартиры необходимо детально проверять договор и иные документы, на основании которых у продавца возникло право на продаваемое им имущество, так как в случае, если соглашение, на основании которого продавец приобрел квартиру, окажется притворным, у гражданина существуют риски потерять приобретенную им квартиру и/или потраченные на нее денежные средства.

К сожалению, как показывает практика, даже в случае реализации пострадавшим от такой сделки лицом права на судебную защиту своих интересов, спор может занять много времени, а в случае удовлетворения заявленных им требований могут возникнуть сложности при возврате денежных средств.

Таким образом, добросовестным участникам гражданского права желательно не допускать возможности возникновения подобных ситуаций и тщательно проверять документы о возникновении права собственности при заключении ими сделок [51].

В пример можно привести следующее судебное дело.

Физическое лицо продало принадлежащую ему долю в жилом помещении. Сделку заключили как договор дарения доли, а денежную сумму передал в интересах приобретателя недвижимости иное лицо. По прошествии нескольких лет лицо, передавшее денежные средства и связанное с покупателем, обратилось в суд и вернуло их себе обратно в качестве необоснованного обогащения.

Результатом данной ситуации стало то, что покупатель остался и с квартирой, и с денежными средствами, а продавец - без всего. Де-юре все оформлено законно, однако, очевидно, что имеет место злоупотребление правом со стороны покупателя.

Одно из подобных судебных дел дошло до Верховного Суда Российской Федерации [34].

Как следует из судебных актов по данному делу, в 2009 году М. оформила П., которая являлась дочерью ее подруги, временную регистрацию в принадлежащей ей квартире. П. осуществляла сьем данного помещения у М. и фактически там проживала.

В 2010 г. П. предложила М. купить у нее долю в этой квартире за 1 270 000 руб. При этом стороны договорились между собой, что оформят данную сделку как договор дарения, а денежную сумму за данную недвижимость передаст Г., являющаяся матерью П., что и было осуществлено.

Однако, спустя три года Г. стала давить на М., требуя оформить на нее оставшуюся долю в недвижимом имуществе. М. отказала Г., после чего Г. через суд вернуло себе ранее переданные денежные средства как необоснованное обогащение.

Чтобы сохранить за собой деньги, фактически оплаченные Г. за долю в квартире, М. обратилась в суд с заявлением о признании заключенной ими сделки притворной, указав, что на самом деле соглашение о дарении доли прикрывало собой обычный договор купли-продажи.

На стороне М. выступили свидетели, указавшие, что М. действительно не дарила П. долю в квартире, а продала ее. Однако, судам представленные доказательства показались недостаточными, в связи с чем они отказали в удовлетворении заявленных М. требованиях.

Вместе с тем, Верховный Суд Российской Федерации посчитал иначе и отменил судебные акты нижестоящих судов.

Как указано в определении суда, в судебных постановлениях отсутствуют доводы судов о том, почему ими не приняты во внимание показания свидетелей.

Кроме того, Верховный Суд указал на необходимость рассмотрения вопроса о причинах пропуска М. срока обращения в суд с заявлением и наличии на то уважительной причины, поскольку этот факт не исследовался нижестоящими судами судьи.

Суд также отметил, что договор дарения предполагает, что собственность, указанная в таком договоре, передана (будет передана) другому лицу безвозмездно.

То есть, как следует из абзаца 2 пункта 1 статьи 572 ГК РФ в случае, если в обмен на «дарение» имущества другим лицом передается какая-либо вещь, денежные средства, права либо берутся встречные обязательства, такой договор дарением не является, и к нему необходимо применять положения пункта 2 статьи 170 ГК РФ, содержащие нормы о притворной сделке.

Суд указал, что какое бы то ни было встречное предоставление дарителю чего-либо от одаряемого лица в ответ на «дарение» имущества является основанием недействительности такого договора дарения.

При этом, встречное предоставление не обязательно может быть указано в том же договоре дарения. Оно может быть предметом иного соглашения, в том числе с другими сторонами.

Из вышеприведенного примера можно сделать вывод о том, что на практике может быть сложно доказать в суде притворность совершенной сделки, так как заявителю необходимо доказать, а суду – установить субъективные намерения лиц, являющихся сторонами сделки.

Для того, чтобы доказать притворный характер заключенной сделки, необходимо подготовить ряд доказательств, как прямых, так и косвенных, свидетельствующих о притворности сделки.

Это осложняется и тем, что лица, заключающие притворную сделку, намеренно формируют документы, которые создают видимость действительности такого соглашения в целях сокрытия за ним своих реальных договоренностей.

В рассматриваемом же случае при доказывании создает дополнительные трудности тот факт, что стороны не стали документировать переданные в качестве оплаты денежные средства, а слов свидетелей относительно факта передачи денежных средств может быть недостаточно,

так как устные показания не так убедительны для суда, как письменные доказательства, содержащие подписи сторон.

Однако, как правило, при должной степени заинтересованности с исходе дела и осмотрительности, можно выявить косвенные доказательства передачи денежных средств за приобретаемое имущество.

Это обусловлено тем, что, как правило, подобные притворные договора дарения маскируют соглашения о купле-продаже на крупную сумму денег, которые редко хранятся дома в наличном виде, а обычно кладутся на счет в банке либо тратятся на какие-то дорогостоящие вещи либо инвестиции (машины, квартиры и так далее).

В связи с этим в целях доказывания передачи денежных средств можно направить запросы в банки и иные кредитные организации. Косвенными доказательствами могут выступать, например, открытие вклада, банковских ячеек, перевода крупной суммы, которые совершены сторонами сделки и совпадают с датой заключения договора «дарения».

Кроме того, косвенными доказательствами получения от покупателей денежных средств могут выступать дорогостоящие покупки, на которые у лица в обычной ситуации не хватило размера получаемых им доходов, и которые данное лицо не может обосновать.

В этих целях может быть целесообразным направление запроса в налоговые органы в целях получения сведений о доходах такого лица и сопоставления их с осуществленной им покупкой.

Вышеизложенное в очередной раз подтверждает, что в целях снижения сторонами рисков, которые во многом зависят от возможного недобросовестного поведения другой стороны, необходимо заключать соглашения в соответствии с реальным характером отношения между сторонами.

2.2 Судебное признание притворных сделок недействительными

В целях оценки подхода судов к проблемным вопросам при рассмотрении споров, связанных с признанием притворной сделки недействительной, рассмотрим судебную практику по данной категории дел.

В первую очередь рассмотрим мнение судов Российской Федерации по вопросу о главных отличительных чертах притворных сделок, их правовом статусе и отличии от других недействительных сделок, в том числе мнимых, с которой, как отмечалось ранее, они имеют много схожих черт.

С этой целью необходимо обратить внимание на позицию Верховного Суда Российской Федерации, как высшего российского судебного органа, на который ориентируются нижестоящие арбитражные суды и суды общей юрисдикции, относительно применения статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Касательно определения притворной сделки необходимо отметить следующее.

Как указывалось ранее в настоящей работе, мнимая сделка – это сделка, которая совершается сторонами лишь для вида, и у сторон отсутствует намерение совершить соответствующие правовые последствия, характерные для нее.

В свою очередь, притворная сделка – это сделка, которая заключается сторонами для прикрытия («маскировки») иной сделки, в том числе какого-либо договора на других условиях [70].

Обе сделки в соответствии со статьей 170 ГК РФ являются ничтожными.

Как следует из пункта 87 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25, Определений Верховного Суда Российской Федерации от 13 июля 2018 г. № 308-ЭС18-2197 [39], от 1 декабря 2015 г. № 22-КГ15-9 [33], притворные и мнимые сделки можно отнести к сделкам с так называемым «пороком воли». Главное же условием

для признания судом таких сделок недействительными - это установление судом разницы между формальной, указанной в договоре, и настоящей воли сторон.

В данной части необходимо пояснить, что при рассмотрении дел суды различают такие виды сделок и договоров с пороком воли, как:

- сделки, где внутренняя воля сторон выработалась неверно;
- сделки, которые заключены в отсутствие на то внутренней воли участвующих в ней сторон.

Так, в отсутствие внутренней воли могут быть заключены сделки, где, например, какая-либо сторона находится под влиянием угрозы либо насильственных действий, лицом, которым не может осознавать смысл и последствия осуществляемых им действий либо не может ими руководить. Кроме того, к такому типу сделок с пороком воли относятся сделки, заключение которых обусловлено противоправным, основанном на злом умысле, соглашением между сторонами.

Вопрос об отнесении притворной сделки к сделкам с «пороком воли» неоднократно рассматривался различными исследователями. Так, Платонов В.М. в своей работе «Притворные сделки как сделки с пороком воли» [46] обосновывает сделанный им вывод о том, что притворные сделки необходимо классифицировать как недействительные сделки, у которых есть порок воли.

По мнению автора, это связано с тем, что в случаях, когда лица заключают притворную сделку, у ее сторон есть и воля, и собственное волеизъявление, однако последнее не полностью выражает правовые последствия и отношения между сторонами, которые на самом деле данные лица желают создать.

Возвращаясь к определению притворной сделки, необходимо отметить позицию Верховного Суда Российской Федерации, изложенную в определении от 29 октября 2013 г. № 5-КГ13-113 [39].

Как указывает суд, в целях определения того, имело ли место заключение между сторонами соглашения, каковы условия данного соглашения, их взаимосвязь, а также соответствует ли формальное изложение в соглашении воли сторон их фактическому волеизъявлению в целях определения того, является ли соглашение действительным или представляет собой притворную либо мнимую сделку, суду нужно использовать установленные статьей 431 ГК РФ правила толкования такого соглашения.

Необходимо также отметить, что при изменении и даче квалификации гражданский правовых сделок с позиции юриспруденции суды обязаны принимать во внимание, что такие ничтожные сделки, как притворные и мнимые изначально являются недействительными вне зависимости от того, признаны ли они такими судами, что прямо следует из положений статьи 166 ГК РФ [13].

Вышеуказанная позиция приведена в пункте 8 Постановления Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации (действовал с 1992 г. по 2014 г., после чего был преобразован в Верховный Суд Российской Федерации) от 12 октября 2006 г. № 53 [49].

Аналогичные позиции приведены в Постановлениях Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 6 ноября 2012 г. № 8728/12 по делу № А56-44428/2010, от 22 марта 2012 г. № 6136/11 по делу № А60-29137/2010-С5, от 7 февраля 2012 г. № 11746/11 по делу № А76-18682/2010-12-587, от 1 июня 2010 г. № 16064/09 по делу № А27-6222/2009-6, определении Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2011 г. № 18-В10-106 [38] и так далее.

Необходимо отдельно отметить позицию Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации, изложенную в Постановлении от 6 ноября 2012 г. № 8728/12 по делу № А56-44428/2010 [53], в рамках которого судом рассматривалось исковое заявление Межрайонной

инспекции Федеральной налоговой службы № 19 по Санкт-Петербургу о признании договора недействительным по причине его ничтожности.

Суд отметил, что налоговые органы имеют право обращаться в судебные органы с заявлениями о признании недействительными сделок в случаях, когда это осуществляется в целях реализации возложенных на них задач по контролю за исполнением организациями налогового законодательства, и при этом удовлетворение судом заявленных ими исковых требований приведет к определению, как последствию решения, надлежащей квалификации взаимоотношений лиц, участвующих в сделке, для последующего применения предусмотренных законодательством по отношению к возникшим между сторонами взаимоотношениям налоговых последствий.

Так, в целях гарантированной уплаты в бюджет Российской Федерации налогов в полном размере налоговый орган имеет право в полном соответствии со статьей 170 ГК РФ представить в суд заявление, содержащее требование о признании судом сделки, заключенной рассматриваемым налогоплательщиком, недействительной по причине того, что такая сделка была заключена только «для вида», и заключившие ее стороны не имеют каких-либо намерений создать либо изменить соответствующие таким намерениям правовые последствия (то есть, сделка является мнимой), или данная сделка заключена сторонами для «прикрытия» иной сделки (то есть, соглашение по своей природе является притворным). Такое право, в частности, законодателем дано налоговым органам, поскольку в случае, если суд удовлетворит поданным данным органом иск, это будет иметь значения для выполнении задач, возложенных на налоговые органы.

В то же время, так как ничтожные сделки недействительны изначально, то есть вне зависимости от признания их ничтожными судебными органами, оценку с точки зрения налогового законодательства последствий осуществленных финансовых и хозяйственных операций, произведенных сторонами во исполнение заключенных сделок, подлежащих классификации

как ничтожные, имеют право давать налоговые органы в соответствии с утвержденным налоговым законодательством порядке.

В частности, налоговая инспекция может в рамках проведения налоговой проверки по вопросу занижения организацией налоговой базы по причине произведенной налогоплательщиком неверной юридической квалификации самостоятельно внести соответствующие изменения, касающиеся характера и статуса деятельности налогоплательщика, правовой квалификации заключенных сделок, и подать заявление в суд с исковыми требованиями о взыскании доначисленных вследствие произведенных изменений налогов (в том числе штрафов и пеней).

При этом, в рамках производства по делу, касающегося налогового спора, может быть разрешен вопрос о правильности произведенной налоговой инспекцией переквалификации, в том числе если осуществленное внесение изменений имеет в своем основании оценку налоговым органом сделки как притворной или мнимой.

Так как налоговая инспекция основывает свои требования о признании судом сделки недействительной по причине ее заключения неустановленным лицом, это выходит за пределы компетенции налоговой инспекции, и, следовательно, исковое заявление не может быть удовлетворено.

В то же время, суд обращает внимание на то, что, несмотря на отказ в удовлетворении искового заявления, сделка, совершенная неустановленным лицом, сама по себе противоречит требованиям законодательства, в связи с чем является ничтожной вне зависимости от признания ее ничтожной и, следовательно, недействительной судом.

Выводы налоговой инспекции, на которые она обосновала свою позицию в суде, выявлены при проведении налоговой проверки, следовательно, они могли быть выведены инспекцией самостоятельно независимо от признания судом заключенной сделки ничтожной, и уже в последующем налоговом споре (в случае его возникновения) о взыскании

с организации необоснованной налоговой выгоды данные выводы могли быть проверены судом.

Также необходимо обратить внимание на замечание Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации, сделанное им в Постановлении от 7 февраля 2012 г. № 11746/11 по делу № А76-18682/2010-12-587 [54]: судебная защита никоим образом не может охватывать такую деятельность, которая входит в противоречие с основами нравственности и существующего правопорядка.

По результатам анализа практики можно сделать также вывод о том, что недобросовестность лиц, являющихся сторонами сделки, а также неисполнение ими взятых на себя обязательств не могут повлечь за собой признание заключенного между ними договора притворным либо мнимым.

В частности, такая позиция изложена в постановлении Верховного Суда Российской Федерации от 16 июля 2013 г. № 18-КГ13-55 [36], в связи с чем решение суда первой инстанции и определение суда апелляционной инстанции, при вынесении которых нижестоящими судами были применены положения статьи 170 ГК РФ, были отменены.

Как следует из рассматриваемого постановления, как следует из воли законодателя, изложенной в статье 170 ГК РФ, для того, чтобы признать какую-либо сделку мнимой, суду нужно установить, что при заключении договора лица, являющиеся его сторонами, не ставили перед собой целью реальное создание юридических, возникающих вследствие заключения подобного соглашения, последствий, которые при обычных обстоятельствах для него типичны.

Как неоднократно указывалось ранее, для того, чтобы судебная инстанция признала соглашение мнимым, то она должна установить наличие у воли всех лиц, подписавших данное соглашение, порока, что является необходимым условием для того, чтобы соглашение признать таковым [23]. Мнимое соглашение, как следует из соответствующих ей норм российского законодательства, не может создавать, порождать и изменять какие-либо

юридические последствия, и, следовательно, заключая такое соглашение, стороны изначально не планируют осуществлять и требовать исполнения данной сделки.

При рассмотрении нижестоящими судами данного дела они приняли во внимание, и, фактически, построили свое решение, постановление на том, что договор купли-продажи является недействительным по причине мнимости сделки, посчитав, что она заключена для регистрации права собственности в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество в отсутствие намерения сторон создать и изменить правовые последствия, указанные в договоре, так как сумма денежных средств, которые покупатель в соответствии с договором должен был заплатить за помещения, продавцу не переведены.

Однако, Верховный Суд Российской Федерации посчитал, что вышеприведенные обстоятельства не могут быть положены в обоснование мнимости данного договора.

Так, целью заключения вышеуказанной сделки стороны ставили именно регистрацию перехода на них с продавца права собственности, и направленные на это действия были сторонами совершены.

Кроме того, суд первой инстанции при рассмотрении дела посчитал, что основанием возникновения у покупателей права собственности на помещения фактически является договор о совместной деятельности, а не заключенный договор купли-продажи, являющегося, по мнению суда первой инстанции, мнимым.

Как следует из данного вывода, договор купли-продажи заключен сторонами для прикрытия договора простого товарищества, которым сам по себе является основанием для возникновения у покупателей права собственности, следовательно, представляет собой притворную сделку.

Как отметил Верховный Суд Российской Федерации, возможные юридические последствия в случае признания судебной инстанцией оспариваемого в рамках дела соглашения недействительным по причине его

ничтожности в качестве мнимого существенно отличаются от правовых последствий признания судом соглашения недействительным по причине его ничтожности в качестве притворного. Поэтому законодательством в рамках положений статьи 170 ГК РФ утверждена самостоятельность обоих вышеуказанных оснований для признания судом такой сделки недействительной.

Таким образом, выводы суда одновременно как о мнимости сделки, так и ее притворности, не только противоречат обстоятельствам, установленным материалами дела, но и противоречат друг другу, поскольку такие основания являются взаимоисключающими.

При этом, сам по себе факт неуплаты покупателем денежных средств за приобретенную собственность не может являться основанием для признания договора мнимым (равно как и притворным) и порождает последствия, установленные статьями 450, 453, 486 ГК РФ, в которые, в свою очередь, отсутствуют нормы, указывающие на ничтожность сделки в случае отсутствия подтверждения оплаты имущества.

Аналогичная позиция изложена в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 7508/99 [56], в соответствии с которым неисполнение организацией договора об отступном суду необходимо учитывать не как условие, влекущее ничтожность договора, а как нарушение стороной взятого на себя обязательства, которое порождает его ответственность согласно главе 25 ГК РФ.

В Определении Верховного Суда Российской Федерации от 9 августа 2006 г. № 93-Г06-5 [31] также указано, что недобросовестность каких-либо сторон сделки, которые не осуществили взятые на себя обязательства и не сделали работу, предусмотренную соглашением, не порождает последствия в виде признания такой сделки притворной или мнимой. Такая недобросовестность стороны сделки является лишь

основанием для расторжения соглашения и взыскание денежных средств, которые были переведены исполнителю в качестве аванса.

Отдельно хотелось бы рассмотреть позицию судов в части разграничения притворных и мнимых сделок.

В качестве примера, необходимо отметить, что мнимую сделку стороны зачастую заключают в целях препятствия обращению взыскания на собственность должника. У сторон такой сделки отсутствует цель и мотивация реализовать условия соглашения. Следовательно, чтобы показать суду мнимость такой сделки, заявителю необходимо доказать, что лица, участвующие в ней, не исполнили условия сделки либо это осуществлено ими лишь формально, «на бумаге».

В пункте 86 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 [50] приведены следующие примеры мнимых сделок:

- лица подписали соглашение о купле-продаже и акт его приема-передачи, однако, фактически, продавец все еще владеет данной вещью;
- лица подписали соглашение купли-продажи недвижимой собственности и для создания вида исполнения соглашения осуществили регистрацию перехода права на недвижимость. При этом, как и в первом примере, регистрация «для создания вида» предполагает, что, фактически, недвижимость так и остается у продавца.

Однако, как указывалось выше, договор невозможно признать мнимым лишь на основании того, что одно из лиц, являющихся сторонами сделки, не реализовали взятые на себя обязательства.

В качестве мнимых сделок можно также привести пример, когда лица заключают мнимые соглашения в целях безвозвратного вывода средств за границу.

В таких случаях зачастую с заявлением в суд выходят таможенники, которые в соответствии с подпунктами 5 и 7 пункта 10 Общего положения о таможене, утвержденного Приказом ФТС России от 20 сентября 2021 г.

№ 798 [30], обладают полномочиями по установлению и раскрытию схем, направленных на противоправный вывод с территории России денежных средств, в том числе путем заключения мнимых и притворных сделок с применением номинальных лиц, а также вправе в пределах своей компетенции работать с иными органами и организациями, в том числе иностранными, в целях противостояния таким операциям сомнительного характера, направленных на вышеприведенную цель.

Так, примером обращения таможенных органов в суд за признанием сделок мнимыми и, соответственно, недействительными, могут послужить следующие дела: А56-82781/2023 [63], А56-93140/2023, А56-124265/2023 [59], А56-4259/2024 [57], А56-36167/2024 [62], А56-50350/2024 [64], А56-58283/2024 [60], А56-80351/2024 [61].

Необходимо отметить, что по данной категории дел большинство решений суда выносятся в пользу таможенных органов (в частности, вышеприведенные дела), ничтожная сделка признается судом недействительной, а невозвращенные средства взыскиваются с ответчика в пользу государственной казны.

Отдельно суд отмечает, что не поступление валюты из другого государства либо поступление валюты с нарушением установленного срока на территорию Российской Федерации вредит интересам страны, нарушает основы безопасности государства, является значимой угрозой охраняемых государством общественных отношений, касающихся регулирования валюты.

Следовательно, действия ответчика по заключению такой сделки осуществлены им во вред публично значимым функциям нашего государства, с нарушением основополагающих начал правопорядка, принципов экономической и общественной организации российского общества.

В свою очередь, чтобы суд посчитал сделку притворной, заявитель должен подтвердить суду и документально обосновать, что лица,

участвующие в сделке, на самом деле ставят перед собой целью создание иных последствий, то есть тех, которые имеет своим следствием прикрываемая сделка. В частности, такая позиция изложена в пункте 87 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 [50]).

Можно привести следующие примеры заключения лицами одной либо нескольких соглашений в целях прикрытия «маскировки» сделки отличного от них вида, содержащей иные условия:

- лица подписали кредитное соглашение, и лицо, являющееся заемщиком, в день заключения соглашения передало кредитору собственность (так называемое «отступное») для погашения взятого им кредита. В таком примере сделка об «отступном» на самом деле маскирует договор купли-продажи (Постановление Президиума ВАС РФ от 9 декабря 1997 г. № 5246/97 [55]);

- лицо, являющееся участником общества с ограниченной ответственностью, принимает решение о продаже своей доли в уставном капитале общества в обход других участников, имеющих преимущество в праве на ее покупку. В целях достижения этой цели данное лицо якобы дарит часть собственной доли лицу, не являющемуся участником общества, а затем осуществляет уже продажу оставшейся части доли тому же лицу. Таким образом, фактически, оба этих соглашения маскируют одно соглашение о купле-продаже доли (пункт 88 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 [50]).

Помимо вышеизложенного, лица могут заключить соглашение, которое маскирует под собой аналогичное соглашение, но уже с иными условиями. Обычно «иными условиями» в таких случаях является более высокая цена, нежели в притворном соглашении (пункт 87 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 [50]).

Целью заключения таких притворных соглашений может служить желание занижить сумму налогов, подлежащих оплате, ограничений по

продаже либо заключению договора (в случае, если это обусловлено размером суммы), занизить сумму подлежащих уплате таможенных платежей, «легализации» контрабанды и так далее.

В пример можно привести контрабанду древесины. Так, лицами осуществляется скупка за наличные деньги нелегально полученной древесины, после чего для «легализации» такого товара данные лица оформляют с другими организациями притворные соглашения купли-продажи древесины, инвойсы, иные документы и представляют их при таможенном оформлении в целях вывоза с российской территории.

Такие сделки являются притворными, так как фактически лес уже принадлежит в собственности лиц, которые купили нелегально полученные лесоматериалы, а договора заключены только для того, чтобы обмануть и ввести в заблуждение таможенные посты, осуществить таможенное декларирование товара и вывезти его за границу.

В частности, подобную схему описывал Королев А.В. в своей статье «Контрабанда нелегально заготовленных лесоматериалов: миф или реальность»[19].

Кроме того, Правительством Российской Федерации может быть ограничен вывоз какой-то категории товаров с российской территории. Например, Постановлением Правительства Российской Федерации от 9 марта 2022 г. № 311 [52] утвержден Перечень отдельных видов товаров, в отношении которых вводится временный запрет на вывоз, в соответствии с которым с российской территории запрещен вывоз паровых котлов, классифицируемых в коде единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности 8402 (за исключением 8402 11 000 1, 8402 12 000 9, 8402 19 900, 8402 20 000 1, 8402 90 000 1).

Лица, желающие, несмотря на установленный законодательством запрет, вывезти паровые котлы с территории Российской Федерации, могут заключить между собой притворную соглашение купли-продажи водяных котлов центрального отопления, которые могут создавать пар низкого

давления, вывоз которых не запрещен, фактически осуществляя куплю-продажу и вывоз именно водных котлов.

Можно также привести в пример заключение участниками внешнеэкономической деятельности притворных сделок в целях занижения таможенной стоимости и, следовательно, снижения размера подлежащих уплате таможенных платежей.

В таком случае организации могут оформить притворную сделку купли-продажи на сумму меньшую, чем фактическая стоимость товара, для представления таких документов в таможенный пост при декларировании в целях подтверждения заниженной таможенной стоимости товара (которая зависит от цены товара).

Из практики также следует вывод о том, что соглашение может быть признано судом недействительным по причине его притворности только в том случае, когда оно скрывает под собой другое волеизъявление всех сторон сделки.

На это указывает одно из основных правил, касающихся притворных сделок – «*falsa demonstratio non nocet*», что означает, что несоответствие волеизъявления воле не может оказывать влияния на заключенную сделку в случае, если одна из ее сторон является добросовестной.

Таким образом, для того, чтобы суд признал сделку недействительной на основании притворности недостаточно наличие иного намерения со стороны одного из ее участников. При заключении притворной сделки все ее участники имеют общую цель и намерение, что суд также должен установить при рассмотрении дела.

Так, подобная позиция приведена в Апелляционном определении Московского городского суда от 10 октября 2019 г. по делу № 33-45183/2019 [4], в соответствии с которым желания одной из сторон сделки на заключения притворного соглашения недостаточно. Напротив, все участники притворной сделки всегда имеют одну цель и хотят достичь одних и тех же результатов.

Таким образом, все участники притворной сделки должны при ее заключении согласовать все условия сделки, которую они на самом деле подразумевают.

Следовательно, как указал суд, при определении судом того, является ли оспариваемая сделка притворной или нет, он должен разрешить следующие вопросы:

- наличие и в прикрываемой, скрытой сделке, и в притворном соглашении одних и тех же лиц (либо связанных с ними лиц, в интересах которых заключается данная сделка);
- наличие у всех участников соглашения намерения достичь иных правовых и гражданских последствий и взаимоотношений, отличных от тех, которые указаны в формально заключенном соглашении;
- осознание участниками заключенного соглашения последствий, которые возникнут вследствие их действий.

Как указывает суд, сделка подлежит судом признанию притворной лишь в случае наличия совокупности вышеприведенных условий. При этом, бремя доказывания в судебном процессе признаков того, что сделка является притворной, лежит на заявителе.

Аналогичная позиция указана в Решении Свердловского УФАС России от 28 июня 2024 г. по делу № 066/01/17.1-336/2024 [65], Постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 декабря 2018 г. № 17АП-15868/2018-ГК по делу № А60-18789/2018.

В частности, в вышеприведенных судебных актах судами отмечено, что в силу особенностей положений гражданского законодательства, относящихся к притворным сделкам, к их основному квалифицирующему признаку относится цель ее совершения – а именно прикрытие иного соглашения.

Таким образом, как следует из существа притворного соглашения, все ее участники знают, что не будут ее претворять в жизнь еще при самом заключении соглашения.

Кроме того, при рассмотрении споров о признании сделки притворной и, таким образом, недействительной, судам необходимо принимать во внимание, что в целях сокрытия сделки лицами могут быть заключены несколько соглашений.

При выявлении серии притворных соглашений все они считаются ничтожными и подлежат признанию недействительными на этом основании, в по отношению к сделке, которую лица подразумевали и стремились скрыть, должны применяться нормы и правила, соответствующие ее сути и содержанию.

Например, в соответствии с пунктом 2 статьи 651 ГК РФ, при заключении соглашения об аренде здания/помещения/сооружения, на срок менее одного года не требуется осуществлять государственную регистрацию такого соглашения.

В целях избежать регистрации договора стороны нередко подписывают одновременно несколько соглашений об аренде по одному объекту так, чтобы срок действия каждого из соглашений был менее года, и по истечении первого соглашения сразу начиналось действие второго, после истечения срока второго – начинается действие третьего и так далее.

При этом, на самом деле стороны изначально хотят оформить арендные отношения на долгий срок, и оформляют вышеприведенные соглашения лишь с целью избегания их регистрации.

В подобной ситуации в случае, если дело дойдет до суда, все вышеуказанные соглашения могут быть признаны судом притворными, так как, фактически, представляют единую длящуюся сделку, срок действия которой составляет более одного года и, следовательно, сторонам все равно необходимо оформить ее государственную регистрацию, на что прямо может указать суд.

Следовательно, в случае, если в материалы дела сторонами не будет представлено документов, подтверждающих государственную регистрацию вышеуказанных сделок, суд может признать оспариваемые договоры в их

совокупности незаключенными в полном соответствии с частью 3 статьи 433 ГК РФ.

В частности, такая позиция приведена в Постановлении ФАС Северо-Кавказского округа от 31 марта 2010 г. по делу № А53-17516/2009 [29].

В то же время, необходимо отметить, что по подобным делам есть и другая позиция судов, в соответствии с которой, так как вышеуказанные соглашения действуют меньше года, а последовательное заключение наперед договоров аренды недвижимости на короткий срок законодательством не запрещено, государственная регистрация таких соглашений сторонами не обязательна и закону не противоречит.

Так, подобная позиция приведена в Постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 6 августа 2019 г. № Ф06-49341/2019 по делу № А55-27130/2018.

Другим примером может служить Постановление Арбитражного суда Московского округа от 3 февраля 2021 г. № Ф05-25068/2020 по делу № А40-306389/2019 [28], в рамках которого суд признал недействительными одновременно несколько притворных сделок (кредитное соглашение и договор поставки).

Одновременно с этим суд признал недействительной и сокрытую ими сделку по передаче денежных средств, указав, что целью их совершения было хищения денежных средств, принадлежавших банку, что установлено по другому делу приговором суда, что указывает на то, что сделка совершена с нарушением требований, установленных законодательством, с целью, заведомо противоречащей основам нравственности и правового порядка целью (статьи 168, 169 ГК РФ).

Подать в судебные органы заявление о признании сделки притворной и, следовательно, недействительной, вправе не только сторона такой сделки, но и иные, третьи лица, интересы и права которых такой сделкой затронуты, в том числе государственные органы (например, налоговые органы, прокуратура, таможенные органы и так далее).

Дела о притворности сделки рассматриваются, в зависимости от вида субъектов, в арбитражных (если субъекты являются юридическими лицами) и районных судах (если субъекты – физические лица, не осуществляющие предпринимательскую деятельность, касающуюся предмета спора) по местонахождению ответчика.

Заинтересованным в признании притворности сделки лицом суд может признать лицо, чьи интересы и охраняемые законодательством интересы связаны с заключенным соглашением и имеется причинно-следственная связь между данным соглашением и его благом, которое может пострадать либо которому уже нанесен ущерб.

В частности, подобная позиция изложена в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.09.2018 № 09АП-46102/2018 по делу № А40-93996/2018.

Подобная позиция изложена и в постановлении АС Уральского округа от 21.10.2019 № Ф09-5792/19 по делу № А50-17479/2017, в рамках которого арбитражным судом удовлетворены иски о признании сделки банкротящегося лица.

Суд указал, что заключенный договор является притворной сделкой и фактически маскирует под собой договор дарения транспортного средства, которая, в свою очередь, также является недействительной, так как заключена с злоупотреблением нормами права и нарушает законные интересы и права кредиторов банкротящегося лица.

Глава 3 Последствия признания притворной сделки недействительной

3.1 Особенности гражданско-правовых последствий недействительности притворной сделки

Рассмотрение вопроса недействительности притворных сделок в гражданском праве Российской Федерации было бы невозможно без затрагивания вопроса о гражданско-правовых последствиях признания сделок таковыми.

Как указывалось ранее в настоящей работе, нормативные правовые акты в сфере гражданского регулирования указывают на два вида соглашений, подлежащих признанию недействительными:

- оспоримые соглашения – то есть соглашения, которые становятся недействительными только после решения об этом судебного органа, вынесенного после рассмотрения им заявления заинтересованного в этом лица;
- ничтожные соглашения – которые недействительны с самого их начала на основании законодательства вне зависимости от такового признания их таковыми судебным органом [66].

В зависимости от отнесения соглашения к одному из вышеприведенных видов различаются и гражданские правовые последствия признания их недействительными.

Как указывалось ранее, в соответствии с пунктом 2 статьи 170 ГК РФ притворное соглашение ничтожно.

Следовательно, само по себе признание недействительности притворного соглашения не может понести каких-то последствий, так как оно было ничтожно с момента его подписания [72].

Однако, как прямо указано в законодательстве, к фактической сделке, то есть сделке, которую лица подразумевали при подписании притворного

соглашения, необходимо использовать требования и правила, которые к ней относятся.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 ноября 2019 г. [27], также прямо указывается, что признание сделок притворными не влечет таких гражданско-правовых последствий, как реституция, так как законодательством в их отношении утверждены совершенно иные последствия признания их таковыми, а именно, как указывалось ранее в настоящей выпускной квалификационной работе, применение к прикрываемой сделке, то есть сделки, которую в действительности подразумевали стороны, соответствующих ей правил с учетом ее содержания и существа.

В качестве примера возможных правовых и юридических последствий того, что судебная инстанция объявляет притворное соглашение недействительным, можно привести следующие:

- принятие судебным органом постановления о признании притворного соглашения недействительным по причине его с дальнейшим определением и применением последствий такового его признания недействительности либо, в некоторых случаях, и без их применения;
- частичное или полное объявление судебным органом прикрываемого соглашения действительным либо недействительным;
- возможное дальнейшее определение и применение судебной инстанцией последствий недействительности уже того соглашения, которое было замаскировано под притворным.

Таким образом, на основании проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что такие правовые последствия признания судом соглашений недействительными, как реституционные меры, не могут быть применены судебным органом непосредственно по отношению к притворным соглашениям. Однако, последствия судом могут применены при наличии обстоятельства, которые предусмотрены действующим законодательством

Российской Федерации, в частности, в случаях, когда замаскированное соглашение признается также недействительным, к нему могут быть применены соответствующие последствия, например, реституция.

Вопрос возможных юридических последствий, которые могут возникнуть вследствие объявления притворного соглашения недействительным и дальнейшего применения по отношению к прикрываемому соглашению реституционных мер рассматривался, в том числе, Павловой Е.Н. [42]. Так, в своей работе исследователь рассматривала и предлагала такую возможность реализации последствий, как применение уполномоченными государственными органами меры изъятия в доход казны государства имущества, денег и иных вещей.

Проблемный вопрос о реституции, в том числе двусторонней, ее фактической реализации, проблема возврата имущества и денег, полученных лицами в результате заключения притворного соглашения, рассматривали Козионов Д.С., Братчикова С.В., и Половников Е.А. [8]. Вопрос о сохранении у добросовестных лиц прав собственности на полученные ими в результате заключения притворной сделки товары и денежные средства рассматривали также Евтягина В.Ф. и Белобородова М.В. [7]

Таким образом, чтобы рассмотреть вопрос о последствиях, которые могут возникнуть вследствие признания судом договора притворным, необходимо разобрать, какие последствия могут быть у иных недействительных сделок.

Это связано и с тем, что если скрываемая под притворным договором сделка будет признана недействительной, к ней суд будет применять уже соответствующие ей последствия.

В первую очередь необходимо отметить, что возможные юридические последствия, наступающие в силу признания оспариваемого договора недействительным, ставятся в зависимость от того, реализован или нет данный договор.

Так, в случае, если договор нереализован, то после признания его судом недействительным никаких последствий и не наступит, возвращать в исходное состояние будет нечего.

В случае же, если он исполнен, то заявителю необходимо представить в суд требование о применении им различных последствий признания договора недействительным, а суду, соответственно, разрешить данный вопрос в своем решении.

Возможные юридические последствия признания договора недействительным можно разделить на два типа:

- общие;
- специальные.

Ранее затронутая реституция двусторонняя как раз относится к общему типу последствий.

К специальному же типу последствий можно отнести так называемое «недопущение» реституции, реституцию одностороннюю, а также различного рода дополнительные последствия, в том числе компенсацию возникшего ущерба, упущенной выгоды и прочее.

Рассмотрим подробнее каждое из вышеприведенных возможных юридических последствий.

Реституция двусторонняя подразумевает под собой восстановление всего осуществленного в рамках сделки в их изначальное состояние, то есть которое было до того, как лица заключили данную сделку. Все лица, участвующие в недействительном договоре, должны отдать полученное ими в результате его заключения имущество и (или) денежные средства друг другу, а если это невозможно – то вернуть это в соразмерном денежном эквиваленте.

В частности, данный двусторонний вид реституции суды, как правило, применяют к таким договорам, как:

- соглашения, которые заключены с нарушением правоспособности участвующего в ней юридического лица;

– договоры, заключенные с несоблюдением необходимой для них формы либо не зарегистрированные сторонами в установленном законодательством порядке;

– договоры, которые подписаны несовершеннолетними либо малолетними детьми, а также лицами недееспособными, ограниченно дееспособными, с нарушением сознания и иными лицами, которые не могут в полной мере руководить своими действиями и понимать их смысл и последствия таких действий;

– сделки, которые совершены лицами с превышением ими имеющихся у них полномочий;

– соглашения, которые заключены с противопорядочными целями, противозаконными умыслами, а также в целях, которые противны нравственности, в случае, если лица, участвующие в сделке, таких целей и умыслов не имели;

– договора, заключенные лицами, находящимися в заблуждении, если оно имело важное значение.

В свою очередь, реституция односторонняя предполагает, что одно из лиц, участвующих в договоре, получает все переданное в рамках договора имущество и денежные средства, в то время как деньги и (или) имущество второго лица передается в казну нашего государства.

Это связано с тем, что одна из сторон признается добропорядочной и невиновной стороной договора, и, как пострадавшему лицу, ему возвращается все, что им было передано виновному лицу. В случае, если это невозможно, имущество ему возвращается деньгами либо в счет иного имеющегося у виновной стороны имущества.

Имущество же виновного и недобропорядочного лица передается в доход России, а в случае, если это не представляется возможным, то в казну уплачивается его стоимость в денежном эквиваленте.

Помимо вышеизложенного, в случае возникновения у добропорядочной стороны какого-либо ущерба, то виновная сторона должна его возместить.

Вышеизложенное можно расценить как применение государством к недобросовестному лицу санкций в виде конфискации, поскольку данное лицо, фактически, несет убытки вследствие своего недобросовестного поведения.

Как правило, реституция односторонняя применяется судами к таким типам сделок, как:

- договоры с кабальными условиями, то есть условиями, ставящими другую сторону в положение, ущемляющее их законные интересы и права;
- соглашения, которые заключены лицами, находящимися под влиянием угроз, физического либо психологического насилия, обмана, а также злонамеренного сговора представителей участвующих сторон друг с другом;
- договоры, которые имеют противозаконный и противонравственный характер, в случае, если с подобными намерениями его заключала лишь одна сторона, в то время как вторая сторона таких целей и умыслов не имела.

Недопущение реституции, в свою очередь, предполагает, что все лица, участвующие в недействительном соглашении, передают полученное ими имущество и деньги в пользу Российской Федерации.

Данный вид применяется в случаях, когда виновными и недобросовестными лицами являются все стороны соглашения, в связи с чем они все несут ответственность за совершенные ими действия.

В случаях, когда деньги или товары были переданы какому-то третьему лицу, не участвующему в договоре, то вопрос о необходимости их возврата разрешается в соответствии с законодательством, касающихся споров о необоснованном обогащении.

Можно выделить следующие особенно возмещения причиненного ущерба:

– ущерб возмещается совершеннолетним лицом по соглашениям, признанных недействительными в связи с участием в них малолетних детей и несовершеннолетних;

– ущерб уплачивается дееспособным лицом в случаях, когда недействительная сделка заключена с недееспособным лицом либо лицом, ограничено дееспособным на дееспособной стороне в сделке, совершенной с гражданином, признанным недееспособным или ограниченным судом в дееспособности, и дееспособному лицу было либо должно было быть это известно;

– ущерб подлежит возмещению лицом, заставившим иное лицо заключить договор обманом, угрозами, насилием, воспользовавшись тяжелыми обстоятельствами либо с помощью сговора с его представителем;

– ущерб подлежит уплате лицом, которое, зная о том, что иное лицо не может руководить своими действиями и понимать их значения и смысла, заключило с ним договор;

Необходимо отметить, что оплату пострадавшему лицу вреда необходимо осуществлять в полном размере.

Данная сумма подсчитывается путем сложения размера упущенной прибыли и размера фактического ущерба в соответствии с порядком, утвержденным нормативными правовыми актами.

Все вышеизложенное указывает на то, что смыслом признания соглашений недействительными является сохранение правопорядка, что достигается, в том числе, устранением обязанностей и прав, осуществление которых может привести к совершению противоправных действий и идет в разрез с существующим законодательством.

Таким образом, в случае, если по результатам рассмотрения судебного спора суд установит, что оспариваемый договор является притворным, он должен определить, является ли скрывающееся под ним соглашение недействительным или действительным, в том числе проверив его соответствие положениям действующего законодательства, а также

соблюдена ли установленная для него обязательная форма, субъектный состав, оформление, возможное нотариальное заверение, государственная регистрация.

В случае, если суд посчитает, что прикрываемое соглашение также является недействительным, то, в зависимости от оснований для признания его таковым, в также установленных обстоятельств, суд применяет к нему соответствующие последствия, а именно одностороннюю либо двустороннюю реституцию, недопущение реституции, уплату понесенного ущерба и так далее, особенности применения и исполнения которых рассмотрены выше.

При этом, суд может признать соглашение недействительным вне зависимости от этапа его реализации, однако, это будет учитываться судебным органом при определении, какие последствия наступят вследствие его признания недействительным.

Это необходимо в первую очередь для того, чтобы понять, возможен ли в принципе возврат лиц, участвующих в соглашении, в исходное их состояние, предшествующее дате подписания ими соответствующего соглашения.

Кроме того, судебному органу необходимо определить, будет ли таким образом осуществлено восстановление прав и интересов, которые были нарушены недействительным договором.

При этом, необходимо учитывать, будет или нет такая двусторонняя либо односторонняя реституция входить в противоречие с нормами законодательства и правового порядка, а также с основами общественной нравственности.

В случае, если имеется риск появления таких противоречий, суд имеет полное право реституцию не применять, что прямо предусмотрено пунктом 4 статьи 167 ГК РФ [11].

Вместе с тем, по результатам исследования доказательств и заслушивания позиции сторон суд может прийти к выводу о том, что скрываемое соглашение является действительным.

В таком случае, как указывалось ранее, лица, являющиеся сторонами данного договора, должны исполнить фактически подразумеваемое ими соглашение.

При этом, в случае, если, например, притворное заключение было заключено в целях снижения суммы подлежащих уплате налогов либо таможенных или иных платежей, то после осуществления фактического соглашения стороны обязаны уплатить (доплатить) сумму налогов и платежей в полном размере либо осуществить иные обязанности, предусмотренные российским законодательством для такого типа соглашений.

Прикрываемая сделка также может подлежать признанию недействительной не только в соответствии с положениями ГК РФ, но и согласно основаниям, изложенным в специальных законах (корпоративным, банкротным основаниям и так далее) [22].

Это связано в основном с тем, что без выявления таких оснований суд не смог бы верно реализовать последствия признания им притворной сделки недействительной и грамотно защитить и восстановить интересы и права лиц, участвующих в сделке либо третьих лиц, чьи права были данной сделкой затронуты.

Как следует из судебной практики, чаще всего из так называемых «специальных» законов судами применяются банкротные основания, предусмотренные Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [73]. Примеры подобной практики будут приведены в подглаве 3.2.

Например, конкурсный либо финансовый управляющие имеет возможность представить в судебный орган доказательство того, что притворный договор либо серия притворных соглашений заключена лишь с

намерением вывести имущество и денежные средства из конкурсной массы в интересах конечного получателя.

После того, как управляющий докажет судебному органу притворность договора / соглашений, он может обосновать, по каким основаниям, предусмотренным законодательством, скрываемое соглашение является недействительным.

Затем, после представления управляющим доказательств, подтверждающих изложенную им в исковом заявлении, а также в ходе судебных заседаний позиции он в дополнение к этому может также заявить соответствующие требования о применении судом последствий недействительности данного соглашения в виде возврата денег и имущества в конкурсную массу.

3.2 Судебная практика по применению последствий недействительности притворной сделки

В целях рассмотрения примеров применения судебными органами последствий признания договора притворным, а также различных подходов к данному вопросу проанализируем сложившуюся по этой категории дел судебную практику.

Так как само по себе признание договора притворным не несет для сторон каких-либо последствий в отрыве от замаскированного под ним соглашения, необходимо отметить, что возможные последствия напрямую зависят от того, какой сделкой является это замаскированное соглашение – недействительным или действительным

В первую очередь целесообразно рассмотреть случаи, когда скрываемый договор признается действительным.

В качестве первого случая необходимо отметить, что обязательства по договору, признанный притворным по причине того, что он заключен притворными участниками (фактически по договору иной субъектный состав)

подлежат реализации фактическими участниками в соответствии с теми условиями и положениями, которые поименованы в данном договоре.

В частности, подобная вышеизложенной позиция указана в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13 апреля 2021 г. № 305-ЭС20-20802 по делу № А40-198919/2019 [40].

Как указал суд, притворность состава участников договора сама по себе не может отменять необходимость исполнения указанных в нем условий, если они не входят в противоречие с сутью настоящих взаимоотношений лиц, а также с основами нравственности и правопорядка, требованиями действующего закона.

В частности, в ходе указанного дела суды выявили, что соглашение, в рамках которых продавались активы, является притворным, поскольку его субъектный состав, обозначенный «на бумаге» не соотносится с фактическим составом участников.

При этом, предметом соглашения «на бумаге» выступала передача прав на осуществление иным лицом регистрации принадлежавших продавцу товарных знаков, в то время как фактически осуществлялась продажа на них исключительного права.

На основании вышеизложенного, данное соглашение признано притворным.

Однако, при рассмотрении притворности соглашения суды не выявили ничтожности положений указанного соглашения, которые регламентируют расчеты и их порядок, а также устанавливают цену приобретения прав на товарные знаки.

Покупателем соглашения наличие у них обязанности при передаче денежных средств за знаки за границу на указанных в соглашении условиях не оспаривается, равно как и продавец не отрицает обязанности у него по передаче покупателю прав на знаки за оговоренную в соглашении сумму денег.

Следовательно, определяя последствия признания соглашения притворным и недействительным суды верно посчитали, что фактические участники обязаны исполнить фактически взятые ими на себя обязательства на условиях, поименованных в соглашении, в том числе в части размера денежной суммы.

Кроме того, как следует из рассматриваемого судебного акта, в связи с выявлением притворности данного соглашения, лицу, участвующему в нем, налоговыми органами Российской Федерации доначислен налог и, в соответствии с условиями соглашения, сумма уплаченных за знаки средств должна увеличиться на сумму налогов и быть доплачена покупателем продавцу.

Аналогичная позиция приведена в определении Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2021 г. № 189-ПЭК21 по этому же делу, а также в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 27 ноября 2023 г. № Ф05-7864/2022 по делу № А40-193193/2020, постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 17 октября 2023 г. № 09АП-56963/2023, 09АП-57501/2023 по делу № А40-32986/2019.

В качестве второго примера можно привести следующим пример. Как следует из постановления Федерального арбитражного суда Уральского округа от 12 января 2011 г. № Ф09-10933/10-С5 по делу № А76-6562/2010-2-208, администрация городского округа N и индивидуальный предприниматель V (получатель) подписали между собой соглашение о представлении V денег в целях поддержки по реализации V ее инвестиционного проекта на 200 000 руб.

Кроме того, между теми же юридическими лицами было подписано соглашение об осуществлении добровольного пожертвования V денег в размере 200 000 руб. на реализацию местной программы городского округа по развитию и поддержке лиц, находящихся в реестре как малые предприниматели.

V перевела на счет окружной администрации деньги в размере 105 000 руб., после чего, однако, подала в местный арбитражный суд заявление о взыскании с этой администрации необоснованного обогащения на указанную сумму, указывая, что соглашением о представлении ей денежных средств для реализации проекта их возврат на счет администрации не предусмотрен.

В свою очередь, в качестве встречного искового заявления администрация округа обратилась за признанием обоих вышеуказанных соглашений одним притворным соглашением, подлежащему признанию недействительным, указала, что, фактически, стороны договорились о заключении сделки о займе, и заявило требования о последующем применении в связи с таким признанием последствий в виде осуществления V возврата на счет администрации остаточной суммы займа в размере 95 000 руб.

В ходе производства по данному судебному делу суды установили, что вышеуказанные соглашения подписаны сторонами в 1 день и на одну и ту же сумму.

Исходя из изучения положений данных соглашений, а также пояснений сторон, суд обоснованно установил, что на самом деле при заключении вышеуказанных соглашений лица, участвующие в них, желали заключить договор займа на определенную цель без взимания процентов, и организовать правоотношения именно в этой части. Кроме того, лица договорились о конкретных условиях возврата V предоставленной ей суммы денежных средств.

Учитывая вышеизложенное, суды закономерно признали вышеприведенные соглашения единой притворной сделкой, поскольку они маскируют под собой сделку о займе, и действия сторон были направлены на создание именно этих взаимоотношений.

Следовательно, к скрытой сделке должны применяться правила, относящиеся к соглашениям о займе, которое суд признал действительным соглашением.

В соответствии со статьей 810 ГК РФ заемщик (в данном случае – V) должен вернуть сумму денежных средств, полученную им в качестве займа, займодавцу (в рассматриваемой ситуации – администрация городского округа).

Следовательно, так как V вернула на счет администрации только 105 000 руб., суд посчитал, что V должна вернуть ей оставшуюся сумму займа, удовлетворив тем самым требования администрации, а в удовлетворении заявленных требований V закономерно и обоснованно отказал в полном объеме.

После рассмотрения примеров применения судебными органами последствий признания ими договоров притворными необходимо обратить внимание на случаи, когда суды не применили к прикрываемому соглашению нормы, его касающиеся.

Вместе с тем, суды, признавая соглашение притворным, обязаны также рассмотреть сделку, которую оно прикрывало, и применить к нему соответствующие ей нормы и правила законодательства Российской Федерации.

В частности, похожая позиция приведена Арбитражным судом Восточно-Сибирского округа в постановлении от 18 октября 2023 г. № Ф02-4389/2023 по делу № А19-30160/2019, в соответствии с которым рассматриваемое дело было направлено в суд первой инстанции на новое рассмотрение.

В ходе данного дела было установлено, что компания N осуществляло процедуру банкротства с 25 декабря 2019 г.

30 декабря 2016 г., между V (цедент) и N (цессионарий) было подписано соглашение об уступке цессии (права требования), на возврат от должника Y долга в размере 67 961 421,60 руб.

В соответствии с данным соглашением N (банкротящееся лицо) принимает на себя обязанность по передаче V денежных средств до 31 декабря 2016 г., что было осуществлено 28 февраля 2017 г.

После возбуждения дела о банкротстве N конкурсный управляющий подал в судебный орган иск о признании вышеуказанного соглашения недействительным, поскольку, по его мнению, стороны его совершили для того, чтобы нанести вред правам и интересам кредиторов N в части имущества, поскольку долговые обязательства N тем самым были неправомерно увеличены.

Однако, как установил кассационный суд, судебный орган первой инстанции сделал вывод лишь о том, что рассматриваемое соглашение является притворным и заключено в целях перевода на банкротящуюся организацию долга, но не оценил надлежащим образом скрытую под ним сделку, не осуществил применение к этой сделке соответствующих ей норм материального законодательства.

На основании вышеизложенного кассационный суд отменил судебные акты первой и второй инстанций и указал нижестоящим судам на необходимость разрешения данного вопроса.

После рассмотрения примеров применения по результатам судебного рассмотрения последствий признания судом притворности оспариваемого договора в случае, если замаскированное соглашение является действительным, а также случаев, когда суды ошибочно не оценили ее как действительную либо недействительную, необходимо обратить внимание на случаи, находящиеся в судебной практике, когда скрываемая сделка является также недействительной.

В первую очередь в качестве примера было бы разумно привести в качестве практики судебного рассмотрения дел постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18 октября 2022 г. № Ф06-69896/2020 по рассмотренному им судебному делу № А65-29088/2019, касающегося признания М банкротом (несостоятельным).

Как следует из данного постановления, арбитражным судьей должница М признана банкротом, то несть несостоятельным лицом, в связи с чем судом реализована процедура по реализации различного имущества, принадлежащего ей, для чего судебным органом был назначен финансовый управляющий.

После этого в суд одним из кредиторов был представлен иск о признании недействительным соглашения о купле-продаже транспортного средства по причине иного, притворного субъектного состава.

Поскольку транспортное средство было куплено за деньги М, то прикрываемая под этим соглашением сделка должна быть признана тоже недействительной, в связи с чем судебный орган должен применить к ней последствия в виде установления того, что транспортное средство куплено именно М, а также обязанности покупателя Б вернуть его в конкурсную массу.

Судом первой инстанции данные требования были удовлетворены, с чем согласился и суд кассационной инстанции, установив следующие обстоятельства.

В соответствии с документами, представленными в материалы судебного дела, покупатель Б в лице М по доверенности, заверенной нотариально, подписала соглашение о купле-продаже транспортного средства с продавцом.

Кредитор, обратившийся в суд, узнал о том, что М пользуется данным транспортным средством в соответствии со страховым полисом, хотя владельцем его не является. В качестве собственника в документах на автомобиль указана Б.

На основании выявленных фактом кредитор посчитал, что данная сделка преследует своей целью избежание взыскания на имеющееся у несостоятельного лица имущества, что нарушает его интересы и права, как кредитора, в связи с чем и подал иск в суд.

Суд отметил, что судебное дело о признании М банкротом возбуждено 9 октября 2019 г., а оспариваемый договор подписан 5 апреля 2019 г., то есть

в так называемый период подозрительности, что соответствует п.2. ст. 61.2 Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [73], в соответствии с которым такой период составляет три года.

Так, суд может признать соглашение, заключенное в этот период либо после возбуждения производства по делу о банкротстве, недействительным в случае, если она заключена в целях нанесения кредиторам вреда в части их права на имущество (и он был нанесен), а другие стороны этого соглашения также знали о данной цели.

Следовательно, если другое лицо, участвующее в соглашении, имело представление о цели его заключения, то оно может быть признано судебным органом как лицо заинтересованное.

При этом, как указано в 4 пункте постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63, то обстоятельство, что в Федеральном законе № 127-ФЗ есть свои специальные основания для того, чтобы оспорить соглашение, это никоим образом не препятствует судье признать соглашение недействительным по иным обстоятельствам, предусмотренным ГК РФ, в том числе путем признания ее ничтожной, например, в связи со злоупотреблением сторонами правом согласно статье 168 и 10 ГК РФ.

Как следует из иска кредитора, он в качестве доводов указывает, что фактически транспортное средство приобретено М, и именно она фактически им владеет и осуществляет пользование. Для того же, чтобы этот автомобиль не был взыскан по причине банкротства, он оформлен М на заинтересованное лицо Б путем заключения соглашения о купле-продаже с притворным составом, где покупателем вместо М вписана Б.

Как отметил суд, позицией Президиума Верховного Суда Российской Федерации, приведенной в Обзоре судебных дел, которые связаны с банкротством физических и юридических лиц, ответчик, который, в соответствии с выводами судей, является заинтересованным лицом и

аффилированным лицом по отношению к банкроту, ни при каких обстоятельствах не может быть признан судебными органами лицом, не сведущим о наличии у банкрота признаков его неплатежеспособности, о имеющихся у него обстоятельствах, обязательствах финансового характера перед иным лицами.

В рассматриваемом случае Б является матерью М, в связи с чем признана заинтересованным лицом в соответствии с пунктом 3 статьи 19 Федерального закона № 127-ФЗ.

Лица, подлежащие признанию как заинтересованные, при заключении соглашений обязаны обеспечить отсутствие сомнений в действительности соглашения, поскольку общие между таким лицом и банкротом финансовые интересы могут привести к заключению фиктивного соглашения, что вызывает обоснованные подозрения.

В рассматриваемом случае фактически все действия по покупке транспортного средства осуществляла сама М, пусть и от лица Б, у которой даже нет водительских прав. Данные обстоятельства сторонами судебного спора не оспаривались. Также судом учтен возраст Б.

Кроме того, продавец транспортного средства также является аффилированным лицом по отношению к М, и он ранее уже представлял ей в пользование данный автомобиль (то есть, до его продажи).

Суд также сослался на Определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 ноября 2021 г. № 305-ЭС21-9462 по делу № А40-267855/2018, в соответствии с которым, у обращения наличных денег есть свои особенности, из-за которых верификация плательщика может быть затруднительна, чем могут воспользоваться различные недобросовестные лица в своих противоправных интересах.

Однако, как отметил суд, в рассматриваемом случае документы, свидетельствующие о том, откуда у Б появились деньги на покупку транспортного средства, в судебный орган также не представлены.

На основании вышеизложенных фактов суд признал притворный состав сторон спорного соглашения о купле-продаже, и установил, что прикрываемое соглашение заключено М.

В свою очередь, так как прикрываемая сделка нарушает права и имущественные интересы кредиторов, поскольку М является банкротом, то данная сделка также является недействительной, и транспортное средство необходимо направить в конкурсную массу в полном соответствии с п. 1 ст. 61.6 Федерального закона № 127-ФЗ.

Кроме того, рассмотрим судебную практику в части применения последствий признания притворными договоров, признанных соглашениями с заинтересованностью, поскольку они подписаны серийно для обхода установленной законом процедуры их одобрения.

Так, как следует из постановления Арбитражного суда Центрального округа от 10 марта 2017 г. № Ф10-103/2017 по делу № А14-13364/2015 [48], участниками ООО «1» по состоянию на 6 октября 2014 г. являлись Ж., являющийся директором, с долей в размере 10/11 уставного капитала, и К. с долей в размере 1/11 уставного капитала.

Единственным лицом, являющимся участником ООО «2» и по совместительству исполнительным органом в едином лице с самого его создания является Ж.

По соглашению об аренде Администрация городского округа временно передала в пользование ООО «1» определенные сельскохозяйственные участки земли.

После этого ООО «1» в лице Ж обязанности и права по соглашениям об аренде переданы Н, ставшему новым арендатором этих земель.

В дальнейшем Н и ООО «2» подписали договоры, в соответствии с которыми права на аренду вышеуказанных участков передавались между ними друг другу.

Суды посчитали, что вышеуказанные сделки, оспариваемые в ходе заседания, являются взаимосвязанными.

Кроме того, судебные органы установили, что, фактически воля сторон направлена на передачу прав аренды от ООО «1» в адрес ООО «2», в совершении чего и была заключена заинтересованность Ж, и заключенные в последующем договоры через посредника Н являются притворными, подписанными в целях скрыть этот факт.

Притворность договоров подтверждается, в том числе, тем, что между ними прошел слишком короткий период времени, что свидетельствует о том, что у Н не было намерения действительно арендовать эти участки.

Вместе с тем, в соответствии с частью 1 статьи 45 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» соглашения, в заключении которых есть заинтересованность у директора и иных указанных в данной части лиц, должны заключаться в соответствии с нормами, установленными данной статьей.

В частности, на заключение такого соглашения должно быть получено одобрение со стороны общего собрания участников ООО, в том числе лиц, не заинтересованных в его заключении.

Таким образом, заключая притворные сделки, Ж намеревался обойти вышеуказанный порядок, утвержденный законодательными нормами.

Поскольку порядок заключения прикрываемых под притворными соглашениями сделок не был соблюден, суд правомерно признал их также недействительными, и в качестве последствий их недействительности вернул ООО «1» права аренды на участки земли.

В качестве третьего примера рассмотрим следующую ситуацию.

Как следует из определения Верховного Суда Российской Федерации 22 ноября 2024 г. N 304-ЭС24-13357 [32], в рамках судебного дела о банкротстве организации 1 его конкурсный управляющий подала в суд исковое заявление о признании недействительным соглашения о хранении, подписанного организацией 1 с организацией 2, а также дальнейшем применении последствий недействительности данного соглашения в виде взыскания с организации 2 в пользу организации 1 оплаченной арендной

платы и обязанности организации 2 вернуть по месту регистрации хранителя специальную технику.

Суд первой инстанции удовлетворил заявленные иски частично, признав оспариваемое соглашение недействительным и обязав возвратить организацию 2 технику организации 1.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением кассационной инстанции указанное соглашение о хранении признано недействительным, применены последствия такого признания в виде обязанности судом организации 2 вернуть в конкурсную массу организации 1 специальную технику и плату за пользование данной техникой за истекший период.

Как выявил суд, обжалуемое в рамках данного дела соглашение о хранении на самом деле маскировало под собой соглашение об аренде, в рамках которого организации 2 организацией 1 бесплатно передавались обязанности и права на технику как арендатора. Учитывая изложенное, суд признал данное соглашение притворным и применило к нему соответствующие последствия недействительности, обязав организацию 2 возвратить организации 1 данную технику, а также выплатить за период ее пользования соответствующую арендную плату, в том числе до момента ее возвращения организации 1.

Верховный Суд Российской Федерации, оценив материалы дела и сделанные нижестоящими судами выводы признал их обоснованными и соответствующими нормам законодательства.

Вышеприведенная судебная практика демонстрирует, что при применении норм законодательства при рассмотрении судебных споров, касающихся применения последствий признания притворных договоров и соглашений недействительными у судов возникают вопросы о том, как именно их применять, и подобные споры нередко доходят до высшей судебной инстанции. Спорная судебная практика также указывает на необходимость совершенствования законодательства в этой части.

Заключение

По результатам проведенного диссертационного исследования можно сделать следующие выводы.

В рамках настоящего исследования автором были проанализированы нормативные правовые акты в сфере недействительности притворных сделок, изучена судебная практика, возникающая при рассмотрении дел рассматриваемой категории, проанализирован зарубежный опыт регулирования рассматриваемой сферы права, рассмотрены различные мнения исследователей об отличиях притворных сделок от иных недействительных сделок, правовой природе таких сделок, а также о их понятии и сущности, различных особенностях гражданских правовых последствий, которые могут применить суды после признания притворной сделки недействительной.

По итогам вышеприведенного анализа автором были выявлены различные проблемные вопросы в данной сфере, требующие дальнейшего осмысления.

Таким образом, можно сделать вывод о полноте решения поставленных ранее в данном исследовании задач.

Вместе с тем, несмотря на большое количество научных работ в данной сфере, на настоящий момент в практике по применению права и в изучающей гражданское право науке, еще не появился всеобщий подход к пониманию сущности и правовой природы притворных сделок, а также их различным особенностям. Также нет единства среди исследователей и ученых и в вопросе практического применения норм законодательства, которые регулируют такие сделки, что отражается и на судебной практике.

На основании проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

– законодателю необходимо сформулировать и включить в нормы права определение правовой природы и сущности, особенности притворных

соглашений, указать конкретный список лиц, которые могут обратиться в судебные органы с исковым заявлением о признании притворного соглашения недействительным;

– необходимо формулирование и публикация новейших разъяснения высшего судебного органа Российской Федерации относительно применения нижестоящими судами норм права при рассмотрении данной категории судебных споров, в особенности касательно разграничения притворных и иных видов недействительных сделок между собой, определения того, является ли скрываемое под притворным договором соглашение недействительным или действительным;

– определение и указание в нормах законодательства либо в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации конкретных видов последствий признания притворного соглашения недействительным и последующего их применения в зависимости от особенностей прикрываемого соглашения, в том числе практического применения реституции.

Подводя итог вышеизложенному, очевиден вывод о том, что необходимо и дальше проводить работы и исследования, направленные уже на более глубокое изучение притворных сделок и их специфики, применение судами последствий их недействительности, а также формирования круга лиц, имеющих право пойти в суд с заявлением, содержащим требование о признании притворной сделки недействительной, выявление отличий притворной сделки от иных недействительных сделок, а также дальнейшее улучшение и модернизацию регулирования притворных сделок в гражданско-правовой сфере.

В частности, необходимо не только опубликование разъяснений высших судебных инстанций, но и внесение законодателем в положения гражданского законодательства Российской Федерации изменений, которые разъяснили бы его волю и закрыли спорные вопросы в данной сфере.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абдиримов А.Ф., Озмаян Ю.З. Понятие и классификация недействительных сделок // Юридические науки. 2022. № 5-2 (68). С. 166-170. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-klassifikatsiya-nedeystvitelnyh-sdelok/viewer> (дата обращения: 16.01.2025).
2. Алдарова Т.М. Критерии признания сделок мнимыми и притворными: бухгалтерский, аудиторский и юридический подходы // Дайджест-Финансы. 2021. № 3. С. 332-349. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-priznaniya-sdelok-mnimymi-i-pritvornymi-buhgalterskiy-auditorskij-i-yuridicheskiy-podhody-1/viewer> (дата обращения: 16.01.2025).
3. Анохин С.А. Ничтожные сделки и их особенности // Вестник экономической безопасности. 2021. № 4. С. 60-62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nichtozhnye-sdelki-i-ih-osobennosti/viewer> (дата обращения: 16.01.2025).
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 10.10.2019 по делу № 33-45183/2019 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.01.2025).
5. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан от 19 марта 2015 г. по делу N 33-2632/2015 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/133155044/> (дата обращения: 16.01.2025).
6. Апелляционное определение Тамбовского областного суда от 27 мая 2013 г. по делу №33- 1420 // URL: <https://actofact.ru/case-68OS0000-33-1420-2013-2013-04-22-0-1/> (дата обращения: 16.01.2025).
7. Белобородов М.В., Евтягина В.Ф. Особенности признания недействительными мнимых либо притворных сделок в гражданском праве // Закон и право. 2021. № 5. С. 38-41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-priznaniya-nedeystvitelnymi>

- mnimyh-libo-pritvornyh-sdelok-v-grazhdanskom-prave/viewer (дата обращения: 16.01.2025).
8. Братчикова С.В., Козионов Д.С., Половников Е.А. Применение последствий недействительности сделки: проблемы теории и практики // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 6 (82). С.261-266. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-posledstviy-nedeystvitelnosti-sdelki-problemy-teorii-i-praktiki> (дата обращения: 16.01.2025).
 9. Генкин Д.М. Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. С. 57-64.
 10. Гончарова В.А. Сущностный подход к основаниям недействительности сделок. // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 3. С. 372-376.
 11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
 12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) 26 января 1996 года № 14-ФЗ (в ред. от 12.09.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
 13. Давудов Д.А., Лаврова О.В. Ничтожная сделка: понятие и признаки // СтудНет. 2020. № 9. С. 718-727. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nichtozhnaya-sdelka-ponyatie-i-priznaki/viewer> (дата обращения: 16.01.2025).
 14. Демидюк В.А. Анализ правовой природы недействительных сделок // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2020. № 1. С. 75-80.
 15. Зверева П.К., Кириллов Д.А. От концепта «притворная сделка» к концепту «притворное правовое явление» // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 2. С. 100-105. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-kontsepta-pritvornaya-sdelka-k-kontseptu-pritvornoe-pravovoe-yavlenie/viewer> (дата обращения: 16.01.2025).

16. Зверева П.К., Кириллов Д.А. Притворное правовое явление: понятие и юридический состав // Правовая парадигма. 2021. № 4. С. 91-95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pritvornoe-pravovoe-yavlenie-ponyatie-i-yuridicheskiy-sostav/viewer> (дата обращения: 16.01.2025).
17. Ивлиев П.В., Герасимова М.М. Признание сделки недействительной вследствие несоблюдения формы и ее содержания // Аграрное и земельное право. 2023. № 2 (218). С. 75-81.
18. Игнатьева А.В. Феномен «обход закона»: теоретико-правовой подход // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5 (221). С. 33-35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-obhod-zakona-teoretiko-pravovoy-podhod/viewer> (дата обращения: 16.01.2025).
19. Королев А.В. Контрабанда нелегально заготовленных лесоматериалов: миф или реальность. // Российский следователь. 2021. № 3. С. 21-25.
20. Лакоценина Н.М. Недействительность притворных сделок в гражданском праве России // ФГБОУВО Российский государственный университет правосудия. 2021. С. 86-119. URL: <https://studfile.net/preview/16693504/> (дата обращения: 16.01.2025).
21. Лакоценина Н.М. О соотношении недействительности притворных сделок и смежных с ними сделок: общее и особенное. // Современный юрист. 2020. № 4. С. 54-61.
22. Лотфуллин Р.К. Оспаривание сделок при банкротстве. // Научно – практическое пособие. М.: Saveliev, Batanov&Partners, 2019. С. 85-91.
23. Морозова А.Н. Особенности судебного доказывания воли сторон при заключении сделок // СтудНет. 2020. № 9. С. 1623-1627. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sudebnogo-dokazyvaniya-voli-storon-pri-zaklyuchenii-sdelok/viewer> (дата обращения: 16.01.2025).
24. Нечаев А. Д., Нестерова Т. И. Мнимые и притворные сделки в гражданском праве // Огарёв-Online. 2024. № 1. С. 1-5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnimye-i-pritvornye-sdelki-v-grazhdanskom-prave> (дата обращения: 16.01.2025).

25. Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М.: Госюриздат, 1954. С. 42-45.
26. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2021): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021 // URL: https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii_40/ (дата обращения: 16.01.2025).
27. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019): утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.11.2019 // URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/28477/> (дата обращения: 16.01.2025).
28. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.02.2021 № Ф05-25068/2020 по делу № А40-306389/2019 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.01.2025).
29. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 31.03.2010 по делу № А53-17516/2009 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.01.2025).
30. Приказ ФТС России от 20.09.2021 № 798 «Об утверждении Общего положения о таможне» // URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/21pr0798/> (дата обращения: 16.01.2025).
31. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 09.08.2006 № 93-Г06-5 // URL: <https://base.garant.ru/1782869/> (дата обращения: 16.01.2025).
32. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2024 № 304-ЭС24-13357 // URL: <https://base.garant.ru/410989252/> (дата обращения: 16.01.2025).
33. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.12.2015 № 22-КГ15-9 // URL: <https://base.garant.ru/71284816/> (дата обращения: 16.01.2025).
34. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.08.2020 N 5-КГ20-44 // URL:

- <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=637069#xzz4zUUy4V3OTvrH2> (дата обращения: 16.01.2025).
35. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.04.2019 № 53-КГ18-38 // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16042019-n-53-kg18-38/> (дата обращения: 16.01.2025).
36. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.07.2013 № 18-КГ13-55 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70344600/> (дата обращения: 16.01.2025).
37. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 25.07.2017 № 77-КГ17-17 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71638908/> (дата обращения: 16.01.2025).
38. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2011 № 18-В10-106 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=191780#mqNAzUU4n7iOXJCP> (дата обращения: 16.01.2025).
39. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.10.2013 № 5-КГ13-113 // URL: <https://base.garant.ru/70508866/> (дата обращения: 16.01.2025).
40. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13.04.2021 № 305-ЭС20-20802 по делу № А40-198919/2019 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/aa98a5d2-b5db-4680-8d3b-e90a0e868573> (дата обращения: 16.01.2025).
41. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13.07.2018 № 308-ЭС18-2197// URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71887662/> (дата обращения: 16.01.2025).

42. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.06.2020 № 301-ЭС17-19678 по делу № А11-7472/2015 // URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf_ec.php?id=1895018 (дата обращения: 16.01.2025).
43. Определение Судебной Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.12.2020 № 308-ЭС18-14832 (3,4) по делу № А25-1087/2018 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400066096/> (дата обращения: 16.01.2025).
44. Павлова Е.Н. Правовые последствия недействительности сделок. // Проблемы науки. 2021. № 49 (235). С. 31-34.
45. Письмо Федеральной налоговой службы от 29 ноября 2017 г. № СА-4-18/24213@ «О направлении обзора судебных актов» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71723438/> (дата обращения: 16.01.2025).
46. Платонов В.М. Притворные сделки как сделки с пороком воли. // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. №1 (29). С. 213–218.
47. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 08.09.2020 № Ф03-2867/2020 по делу № А24-2502/2017 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ADV&n=115639#NfKpDDUIvoyocr0s> (дата обращения: 16.01.2025).
48. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 10.03.2017 № Ф10-103/2017 по делу № А14-13364/2015 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.01.2025).
49. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63894/ (дата обращения: 16.01.2025).

50. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
51. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» от 29.04.2010 (в ред. от 23.06.2015) // URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8097/> (дата обращения: 16.01.2025).
52. Постановление Правительства РФ от 09.03.2022 № 311 (ред. от 15.10.2024) «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 8 марта 2022 г. № 100» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203100034> (дата обращения: 16.01.2025).
53. Постановление Президиума ВАС РФ от 06.11.2012 № 8728/12 по делу № А56-44428/2010 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=315019#y6kAzUUUN6eAStX21> (дата обращения: 16.01.2025).
54. Постановление Президиума ВАС РФ от 07.02.2012 № 11746/11 по делу № А76-18682/2010-12-587 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.01.2025).
55. Постановление Президиума ВАС РФ от 09.12.1997 N 5246/97 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.01.2025).
56. Постановление Президиума ВАС РФ от 27.06.2000 № 7508/99 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1676113/> (дата обращения: 16.01.2025).
57. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.01.2025 по делу № А56-4259/2024 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/5445fbc9-bd55-4f84-a36b-f8440f4cf042> (дата обращения: 16.01.2025).

58. Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия // Л.: Изд-во Ленинградского унта, 1960. С. 75-83.
59. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 08.05.2024 по делу № А56-124265/2023 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/6c087a20-339e-4067-b00b-631b8bdd46aa> (дата обращения: 16.01.2025).
60. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 09.09.2024 по делу № А56-58283/2024 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/5cb4ad27-d254-48b1-b5e3-f08974184dd9> (дата обращения: 16.01.2025).
61. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 25.10.2024 по делу № А56-80351/2024 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/067ce1cb-601e-4a64-9a9f-660c794738d5> (дата обращения: 16.01.2025).
62. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 27.08.2024 по делу № А56-36167/2024 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/ef44c757-7713-4042-8bf5-a19a4fbd7f82> (дата обращения: 16.01.2025).
63. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 27.10.2024 по делу № А56-82781/2023 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/24d90cab-10bf-4f2d-842d-7c78ca7424e7> (дата обращения: 16.01.2025).
64. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 30.11.2024 по делу № А56-50350/2024 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/5c1b6108-bff1-4683-90f3-b13f05d48efc> (дата обращения: 16.01.2025).
65. Решение Свердловского УФАС России от 28.06.2024 по делу № 066/01/17.1-336/2024 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.01.2025).

66. Родина Т.Ю., Козин Д.А. Оспоримые и ничтожные сделки: нужна ли новая классификация? // Научный журнал «Экономика. Социология. Право». 2022. № 4 (28). С. 118-127.
67. Семенко В.В. Зарубежный опыт организации и правового регулирования отношений недействительности сделок // Молодой ученый. 2024. № 38 (537). С. 159-161.
68. Серджиу Бэешу. Абсолютная и относительная недействительность сделки, согласно Гражданскому кодексу Республики Молдовы // Недействительные сделки в гражданском праве: Материалы Международной научно-практической конференции, в рамках ежегодных цивилистических чтений, посвященной 75-летию профессора Рольфа Книпера (Алматы, 19-20 мая 2016 г.). Алматы: НИИ частного права, 2017. С. 75-77.
69. Смирнова М.В. Сравнительно-правовой анализ ничтожных сделок с пороком содержания по праву России и Германии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 1. С. 84-87.
70. Сусллова С. И. Непоименованность в гражданском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки, 2020. № 2. С. 322-346.
71. Тимофеева Р.Т. К вопросу о недействительности сделок. // Образование и наука в России и за рубежом. 2022. № 1. С. 65-69.
72. Тужилова-Орданская Е.М., Лукьяненко В.Е. Конвалидация недействительных сделок в российском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 45. С. 519-538.
73. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2002 г., № 43, ст. 4190.
74. Хейфец Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. М.: Юрайт, 2000. С. 66-74.

75. Шестакова Н.Д. Недействительность сделок. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 33-38.
76. Barlin D. Sham, Fraud, Evasion. Sound Education in tax Television Education Network // Sydney. 2012. Pp. 81-100.
77. Crespi Reghizzi G., Sacco R. Le invalidita del negozio giuridico nel diritto sovietico // Rivista di diritto civile. 1979. Pt. I. Pp. 54-66.
78. Engler M.L. Sham on You: Too Good to be True. // Cardozo Legal Studies Research Paper. 2020. № 598. Pp. 24-35.
79. Fézer T. The invalidity in the principles of european contract law – common cores and alternate ways // European Integration Studies. 2022. № 1. Pp. 18-21.
80. Rovito, M. J. Sham Transactions in Corporate Insolvency: A United States Approach // William & Mary Business Law Review. 2019. № 10(3). Pp. 31-39.
81. Völcsy B. Error of contractual will and system of grounds for invalidity // European Integration Studies. 2022 № 2. Pp. 56-63.